

Сэм Шепард

ГДЕ-ТО В АМЕРИКЕ...

Перевод с английского
Елены Симоновой

Действующие лица

Вестон	— фермер.	Эллис	— хозяин бара.
Элла	— его жена.	Малколм	— полицейский.
Весли	— их сын.	Эмерсон	} рэкетеры.
Эмма	— их дочь.	Слэтер	
Тейлор	— юрист.		

Действие первое

В глубине сцены стоит кухонный стол, накрытый красной клеенкой. Вокруг стола — четыре разномастных металлических стула. Справа и слева сцены висят в воздухе две занавески в красную клетку, с оборочками, слегка выгоревшие. В ближнем углу сцены — холодильник и вплотную к нему маленькая газовая плита. В правом углу — груда деревянных обломков, растерзанная рама с сеткой и т. д. — все что осталось от выбитой двери. Луч высвечивает Весли, одетого в легкий свитер, джинсы и ковбойские сапоги. Он подбирает обломки двери и размеренно бросает их в старую тачку. Так продолжается некоторое время. Затем из-за левой ближней кулисы медленно выходит Элла. Это маленькая женщина в махровом халате и розовых пушистых шлепанцах; волосы закручены на бигуди, заспанный вид. Она заводит будильник,

рассеянно наблюдая за Весли. Весли продолжает складывать обломки, не обращая на нее внимания.

Элла (после паузы). Напрасно ты это делаешь.

Весли. А я вот делаю.

Элла. Да, но все-таки напрасно. Он сам должен это делать. Кто как не он ее высадил.

Весли. Его нет.

Элла. Еще не вернулся?

Весли. Не-а.

Элла. Тогда оставь до его прихода.

Весли. А пока нам жить среди всего этого.

Элла. Вернется же. Тогда и уберет.

Весли продолжает складывать мусор в тачку. Элла кончает заводить будильник и ставит его на плиту.

(Глядя на циферблат.) Я, наверное, заснула в пять утра.

Весли. Ты вызывала полицию?

Элла. Ночью?

Весли. Да.

Оригинальное название пьесы «The curse of the starving class» («Проклятие голодающего класса»).

Элла. Ясное дело, я вызывала полицию. Ты что, шутишь? Жизнь моя была в опасности, жизнь. Мне угрожали.

Весли. Не угрожал он тебе.

Элла. Да ты что, издеваешься? А кто выбил дверь, не он что ли?

Весли. Просто он пытался войти.

Элла. Так в дом не входят. Есть много других способов войти в дом. Мог бы залезть в окно.

Весли. Ну, выпил человек.

Элла. Это не моя проблема.

Весли. Ты заперла дверь.

Элла. Конечно, я заперла дверь. Я говорила ему, что запрю дверь. Я говорила ему: еще раз такое случится — запираю дверь и может ночевать в гостинице.

Весли. Так он там, в гостинице?

Элла. Откуда мне знать?

Весли. Вроде он поехал на «паккарде».

Элла. Если машины нет, значит, на ней он и отправился.

Весли. Чего это ты позвонила в полицию?

Элла. Со страха.

Весли. Что, думала, убьет тебя?

Элла. Я думала... думала: «Не знаю, кто это. Знать не знаю, кто это ломится сюда. Кто такой? Да, может, кто угодно».

Весли. Я слышал, как вы орали друг на друга.

Элла. Было.

Весли. Значит, ты должна была знать, кто там.

Элла. Наверняка-то не знала. Вот что было страшно. Только чуяла его прямо через дверь.

Весли. Что, так напился?

Элла. Да нет. Запах кожи.

Весли. А-а.

Элла (*внезапно повеселев*). Будешь завтракать?

Весли. Нет, спасибо.

Элла (*направляясь к холодильнику*). А я перекушу.

Весли (*продолжая уборку*). Унизительно, когда полиция является в твой собственный дом. Такое чувство, будто мы — не мы, а кто-то другой.

Элла (*заглядывая в холодильник*). Яиц нет, зато есть ветчина и хлеб.

Весли. Какая-то в душе пустота. Будто с нами приключилась беда, или еще что.

Элла. У нас — никакой беды. У него беда, а у нас нет.

Весли. Напрасно ты позвонила в полицию.

Элла (*с шумом захлопывает дверцу холодильника, в руках — ветчина и хлеб*). Говорю же, он хотел убить меня!

Они смотрят друг другу в глаза. Элла отводит взгляд, кладет ветчину и хлеб на плиту. Весли опять начинает убираться. Он говорит, а Элла в это время ищет что-то в нижнем ящике плиты и, наконец, достает сковородку, зажигает одну из конфорок, начинает жарить ветчину.

Весли (*бросая обломки в тачку*). Я лежал на спине. Я ловил аромат цветущего авокадо. Я слышал вой койотов. Слышал рев грузовиков, увозивших скот. Я представлял, как лежу в своей постели, в своей комнате, в этом доме, в этом городе, в этом штате, в этой стране. Я ощущал эту страну так близко, будто она была частью меня самого. Я чувствовал присутствие всех людей, которые были там в ночи, в темноте. Даже спящих — я их тоже чувствовал. Даже всех спящих зверей. Собаки... Павлины... Быки... Даже тракторы, умытые росой и ожидающие восхода солнца. Я смотрел вверх, прямо в потолок, на мои модельки самолетов, что висели на этих тонюсеньких металлических струнах. Слегка раскачиваясь, очень тихо, будто их спугнуло чье-то дыхание. Паутина плыла вместе с ними. Пыль лежала у них на крыльях. Краска облезла на крыльях. Мой «П-39». Мой «Мессершмит». Мой «Джэп Зируу». Я чувствовал, будто лежу глубоко под ними, на своей кровати, как на глади океана, а они кружат надо мной, ведут разведку. Ищут меня, парят. Фотографируют врага. Я — враг. Я ощущаю пространство вокруг себя как огромный черный мир. Я вслушиваюсь, как зверь. И боюсь услышать! Боюсь какого-то звука. Напряжение. Будто в любую секунду кто-то может вторгнуться в мое существо. Какой-то незнакомец. Что-то не поддающееся описанию. Затем я услышал как «паккард» взбирается на холм. Уже за милую по одному стуку клапанов я знал, что это «паккард». Кулачки стучат так, что их нельзя спутать ни с чем. Потом я представил себе моего отца за рулем. Машинально переключает передачи. Сбрасывает на вторую, чтобы наконец осилить

вершину холма. Чувствую, как все ближе, ближе огни фар. Огни пробиваются сквозь сад. Вижу, как свет выхватывает деревья. Одно за другим, и затем их опять проглатывает тьма. Сердце мое стучит. Лишь потому, что мой отец едет домой. Затем я услышал, как он рванул ручной тормоз. Фары гаснут. Ключ зажигания вынут. Затем долгая тишина. Он просто сидит в машине. Просто сидит. Я воображаю, как он там сидит. Что он делает? Сидит и все. Ждет, не выходит. Почему он ждет, не выходит? Он оцепенел, не может двинуться с места. Он оцепенел и не хочет двигаться. Он будет спать там всю ночь. Он спал так раньше. Голова раскалывается, как кусок льда. Зубы в шелухе от орехов. Потом я слышу, как дверца «паккарда» открывается. Металлический щелчок. Собаки лают вдали на дороге. Дверца захлопывается. Шаги. Бумажный пакет зажат под мышкой. Бумажный пакет с бутылкой виски. Шаги приближаются. Ноги топчутся у двери. Шаги замирают. Колотится сердце. Слышно, как дверь не открывается. Нога бьет в дверь. Мужской голос. Голос отца. Отец зовет мать. Ответа нет. Нога бьет в дверь. Нога бьет сильнее. Доски трещат. Мужской голос. В ночи. Нога проламывает дверь насквозь. Нога — прямо сквозь дверь. Бутылка — вдрызг. Кулак — сквозь дверь. Человек сыплет проклятиями. Человек теряет рассудок. Ноги, руки раздирают дверь на части. Бьется головой. Заходится в ругани. Высаживает плечом. Наваливается всем телом. Надрывно кричит женщина. Мать кричит, зовет милицию. Человек расшвыривает доски. Человека рвет. Мать звонит в полицию. Отец бросается прочь. Назад, вниз по дороге. Хлопает дверца машины. Воеет стартер. Визжат колеса. Скрежещет первая передача. Колеса визжат вниз по дороге с холма. «Паккард» исчезает. Звуки исчезают. Никаких звуков. Ничего. Самолеты все еще кружат. Сердце еще колотится. Ни звука. Тихо плачет мать. Тихий плач. Потом ни звука. Потом тихо плачет. Потом бродит по дому. Потом — ни шороха. Потом тихо плачет. Потом умолкает. Потом издали доносится гул скоростной автострады. *(Берет тачку за одну рукоять. Подражая звуку машины выкатывает ее со сцены.)*

Элла (сама с собой). Теперь я знаю, что ты поначалу подумаешь — будто ты поранилась. И это естественно. Ты подумаешь, будто что-то ужасное стряслось у тебя внутри. Это естественная реакция. Но я хочу, чтоб ты знала правду. Хочу, чтоб ты узнала все, как оно есть, пока еще не пошла и не наслушалась всякого вранья. Прежде всего — никогда не ходи купаться, когда такое случается. Можешь истечь кровью досмерти. Вода высасывает ее, кровь, из тебя.

Справа входит Эмма, сестра Весли. Она моложе его, одета в белую с зеленым униформу «Клуба 4-Эйч». Эмма несет несколько раскрашенных рисунков-схем, показывающих «как правильно разделать курицу». Раскладывает схемы на столе.

Эмма. А если меня пригласят? У Томпсонов новый бассейн с подогревом. Ты бы видела его, мам. По вечерам там даже включают вокруг голубые лампочки. До чего красиво! Точь-в-точь, как в дорогой гостинице.

Элла (занимаясь ветчиной). Говорю тебе, никакого купания, значит никакого купания! С такими вещами не шутят. Вся твоя жизнь меняется. Не хочешь же ты прожить жизнь в невежестве? Ничего про это не зная?

Эмма. Нет, мам.

Элла. Так, хорошо. Следующее — это гигиенические салфетки. Упаси тебя купить их в каком-нибудь ржавом автомате в туалете на какой-нибудь древней бензоколонке. Знаю, на них написано «стерильные», но до «стерильных» им далеко. На самом деле — грязь. Они валяются в этих автоматах месяцами. Если бы ты знала, кто опускает четвертаки в эти автоматы. На этих монетах бациллы. На этих, казалось бы, невинных четвертаках с профилем Вашингтона, уставившегося прямо перед собой. С его мужественной челюстью, выдвинутой вперед. Выплывающей бациллы на все эти салфетки. *Эмма (все еще раскладывая схемы).* Откуда это пошло, называть их салфетками?

Элла (замирая на мгновение). Что?

Эмма. Откуда это пошло — называть их салфетками?

Элла (вновь занимаясь ветчиной). Ну уж, не знаю. Не я это придумала. Кто-то

давным-давно назвал их салфетками. Так и прилипло.

Эмма. Гигиенические салфетки.

Элла. Да.

Эмма. Странно звучит. Отдает больницей или чем-то таким.

Элла. Да, такими бы они и должны быть. Да, к сожалению, не такие. Не чистые, как в больнице — это уж точно. А ты должна помнить: чем бы ты там ни пользовалась — все должно быть абсолютно чистым, как в больнице.

Эмма. Пользовалась где?

Элла (*поворачивается к Эмме*). Что это у тебя за листы?

Эмма. Это для моей демонстрации.

Элла. Какой демонстрации?

Эмма. Как разделать правильно курицу, чтобы пожарить.

Элла (*занимаясь ветчиной*). А-а.

Эмма. Это для «Клуба 4-Эйч». Знаешь, я выступаю с демонстрацией на выставке. Я тебе уже говорила. Надеюсь, ты не схватила мою последнюю курицу. (*Подходит к холодильнику и заглядывает в него*).

Элла. Забыла, что ты выступаешь. Думала, еще через несколько месяцев.

Эмма. Я говорила тебе: в этом месяце. Выставка всегда в этом месяце. Каждый год в этом месяце.

Элла. Забыла.

Эмма. Где моя курица?

Элла (*невинным голосом*). Какая курица?

Эмма. У меня здесь лежала курица для наглядного пособия. Я сама ее зарезала, ощидала и все такое.

Элла. Нет ее там. Все, что у нас есть, это ветчина и хлеб.

Эмма. Я сунула ее сюда только вчера, мам! Неужели ты ее...

Элла. С чего бы это я стала ее брать?

Эмма. В суп или еще куда.

Элла. С чего это я стану цыпленка для жарки пускать на суп. Не смехи людей.

Эмма (*захлопывая холодильник*). Ее там нет!

Элла. Не поднимай тут крик! Иди на улицу и ори там, если тебе так хочется орать!

Эмма бросается со сцены направо. Элла снимает ветчину с плиты. Небольшая пауза, затем слышно, как Эмма заходит-

ся в крике за сценой. Элла кладет несколько ломтей хлеба на сковородку и начинает их поджаривать.

Голос Эммы (*за сценой*). Это была моя курица, а ты, так твою... сварила ее. Ты сварила мою курицу! Я растила эту курицу от инкубатора до самой могилы, а ты сварила ее как будто это какой-то старый замороженный кус мяса! Ты употребила ее без всякого уважения к затраченному на нее труду! Целый год я кормила эту курицу. Молотой кукурузой! Каждое утро! Должна была менять ей воду! Должна была убить ее топором! Должна была выпотрошить все кишки! Должна была выщипать каждое перышко из тушки! И все это я делала только для того, чтобы ты сцапала ее — и в суп!

Если входит слева и идет к середине сцены.

Если. Что за крик?

Элла. Кто-то украл ее курицу.

Если. Украл?

Элла. Сварил.

Если. Ты сварила.

Элла. Я не знала, что это ее.

Если. Разве на ней, на курице, написано?

Элла. Нет, конечно, нет.

Если. Тогда нечего ей орать. (*Кричит за сцену*.) Эй, ты там, заткнись. Нужно было расписаться на ней, если не хотела, чтобы кто-нибудь ее сварил!

Голос Эммы (*из-за кулис*). Чтоб ты подавился грязными носками!

Если (*подходя к столу*). Высокий стиль! (*Замечает на столе схемы*.) Это что за штука?

Элла. Ее наглядные пособия. Выступает с демонстрацией.

Если (*берет один из рисунков*). С демонстрацией? Чего?

Элла. Как разделать цыпленка. Чего же еще. (*Берет тарелку с ветчиной и хлебом и идет к столу*.)

Если. Каждый знает, как разрезать курицу.

Элла. Понимаешь, там есть такие особые косточки, их нужно переломить. Словом, целая наука.

Если (*поворачиваясь к авансцене, держит схему перед собой*). Что тут такого особенного.

Элла (ест за столом). Анатомия — вот что особенное. Анатомия курицы. Если знаешь анатомию — полдела сделано. Весли (кладет схему на пол). Кости и больше ничего.

Голос Эммы (за сценой). Никакого сочувствия! Если бы я нашла курицу в холодильнике, я бы спросила, чья она, прежде чем варить!

Элла (кричит, продолжая есть). Не спросила бы, если умирала с голоду!

Весли растегивает штаны, начинает мочиться на схемы. Элла продолжает есть за столом, не замечая происходящего.

Голос Эммы (за сценой). Никто не голодает в этом доме! Сидишь вон, откармливаешь физиономию!

Элла. Ну и что!

Голос Эммы. Значит, никто не голодает! Мы не относимся к умирающему с голоду классу.

Элла. Не раскрывай рот, пока не знаешь, что хочешь сказать. Нет никакого умирающего с голоду класса!

Голос Эммы. Нет, есть! Есть голодающий класс людей, и мы в него не входим!

Элла. Нам хочется есть, а для меня это все равно, что умирать с голоду!

Голос Эммы. Изнеженное отродье!

Элла (обращаясь к Весли). Слышал, как она меня обозвала? (Замечает, что он делает, кричит.) Эмма!

Голос Эммы. Что?

Элла. Твой брат напрудил на твои наглядные пособия! (Продолжает есть.)

Эмма быстро выходит справа, смотрит на Весли. Он задерживает «молнию» на штанах. Они смотрят в упор друг на друга. Элла продолжает есть.

Эмма. Ну, что это за семья?!

Элла (не поднимая глаз). Я пыталась остановить его, но он не стал меня слушать.

Эмма (к Весли). Знаешь, сколько я работала над этими диаграммами? Мне пришлось провести целое исследование. Я ходила в библиотеку. Я брала на дом книги. Я сидела часами.

Весли. Нечего убивать время на такие глупости.

Эмма. Я уйду из этого дома! (Выходит направо.)

Элла. Ты слишком молода! (К Весли.) Она слишком молода, чтобы бросить дом и вот так уйти. Это просто смешно. Не сказала бы, что осуждаю ее, но она еще совсем молоденькая. У нее только-только начались ее первые женские дела.

Весли (идет к холодильнику). Здорово. Элла. Тебе-то не понять, каково это. Тяжело и очень. Не стоит еще больше усложнять ей жизнь.

Весли (открывает холодильник, рассматривает содержимое). Не собираюсь. Я открываю для нее новые возможности. Теперь ей придется заняться чем-нибудь другим. Это может круто повернуть всю ее жизнь. Когда-нибудь она оглянется назад и вспомнит тот день, когда ее брат затопил все ее диаграммы и будет считать этот день поворотным пунктом в своей жизни.

Элла. Как это ты надумал такое?

Весли. Видишь, она уже решила уйти из дома. Это начало.

Элла (подскочив со стула). Ей еще рано уходить из дома! И вылезай-ка из холодильника! (Подходит к холодильнику, захлопывает дверцу.)

Весли направляется к столу и садится.

У тебя вечно нос в холодильнике!

Весли. Я хочу есть.

Элла. С чего это ты все время хочешь есть? Мы не бедные. Мы не богатые, но мы и не бедные.

Весли. Кто же мы тогда?

Элла (возвращается к столу и садится напротив Весли). Мы где-то посередине. (Опять принимается за еду.)

Весли наблюдает за ней.

Хотя мы все-таки разбогатеем.

Весли. Что ты имеешь в виду?

Элла. У нас будут деньги и очень скоро.

Весли. О чем ты говоришь?

Элла. Не ломай себе голову. Вот только обожди. Для тебя это будет большой сюрприз.

Весли. А я думал, отца уволили.

Элла. Уволили-то уволили. Это не имеет никакого отношения к твоему отцу.

Весли. Ну, а ты-то тоже не работаешь? Или как?

Элла. Не в этом дело. Узнаешь, когда придет время. И тогда мы выберемся отсюда, раз и навсегда.

В е с л и. Куда же мы поедем?

Э л л а. В Европу, может быть. Тебе не хотелось бы поехать в Европу?

В е с л и. Нет.

Э л л а. Почему нет?

В е с л и. А что там такого в Европе?

Э л л а. У них там всего полно в Европе. Большое искусство. Картины. Замки. Архитектура. Умопомрачительная еда.

В е с л и. Все это есть и тут.

Э л л а. Почему ты не такая тонкая натура, как твой дед? Я всегда думала, что ты пошел в него, а ты — нет. Так ведь?

В е с л и. Нет, не в него.

Э л л а. Почему же не в него? Ведь тебе сделали обрезание, как ему. Причем, почти один к одному.

В е с л и. Откуда ты знаешь?

Э л л а. Видела. Видела их обоих и сразу заметила — похожи.

В е с л и. Он, дед-то, помер.

Э л л а. Когда был жив, тогда, конечно, и видела. Не смей людей.

В е с л и. Ты что, прокралась к нему в комнату или как?

Э л л а. Мы жили в маленьком доме.

Г о л о с Э м м ы. Где мои бриджи?

Э л л а (*обращаясь к Весли*). Что она там кричит?

В е с л и. Где ее штаны для верховой езды.

Э л л а (*кричит*). Зачем тебе понадобились бриджи?

Г о л о с Э м м ы. Поеду верхом!

Э л л а. Не дури! Знаешь, как далеко ты уедешь на этой кобыле? Не больно-то далеко!

Г о л о с Э м м ы. Ничего, доеду!

Э л л а. Не смей брать лошадь! (*К Весли*.) Пойди и запри лошадь в конюшне.

В е с л и. Пусть едет.

Э л л а. На лошади? Ты что, спятил? Ее же собьют на шоссе.

В е с л и. Не поедет она по шоссе.

Э л л а. Эта кобыла пугается своей собственной тени. (*Кричит*.) Эмма, не смей брать лошадь! Эмма! (*Обращаясь к Весли*.) Пойди посмотри, куда она пошла.

Не хочу ее пускать верхом. Это опасно.

В е с л и. Она же неплохо ездит.

Э л л а. Все равно!

В е с л и. Тогда сходи посмотри сама.

Пауза. Элла смотрит на Весли.

Э л л а. Ладно, может быть, обойдется.

В е с л и. Наверняка обойдется. Ходила же она на лошадях в походы, да еще ночью.

Э л л а. Ну и характерец у нее.

В е с л и. Избалованная. Вот и все.

Э л л а. Нет. Я никогда не давала ей ничего лишнего. Ничегошеньки. Самый минимум — и ничего больше.

В е с л и. Старик ее балует.

Э л л а. Его здесь не бывает. Как он может ее баловать?

В е с л и. Когда дома, тогда балует.

Э л л а. Эта кобыла — убийца. Пошел бы ты посмотрел.

В е с л и. Да справится она с ней.

Э л л а. Я видела, как ее, лошадь эту, хотели подковать, так она вела себя, как истеричка! Приходилось каждый раз валить ее на землю.

В е с л и. Слушай, откуда возьмутся эти деньги?

Э л л а. Какие деньги?

В е с л и. Деньги, которые сделают нас богатыми.

Э л л а. Я продаю дом.

Долгая пауза. Весли в упор смотрит на мать. Она отворачивается.

Я продаю дом, землю, сад, трактор, живность. Все подчистую. Все на продажу.

В е с л и. Это не твое.

Э л л а. Мое не меньше, чем его!

В е с л и. Ты ему не сказала?

Э л л а. Нет! Не сказала, не стоило говорить и тебе. Так что держи язык за зубами.

В е с л и. Как ты можешь продавать дом? Это, во-первых, незаконно.

Э л л а. Я подписывала купчую. Вместе с ним. Мы оба подписали.

В е с л и. Тогда он должен подписаться и под бумагами на продажу. И ты, и он.

Э л л а. Я уже советовалась с юристом, все законно.

В е с л и. А закладные? По ним еще не уплачено, а ты снова под них деньги заняла.

Э л л а. Не устраивай мне допроса! Я уже подготовила все, что нужно.

В е с л и. С чьей помощью?

Э л л а. У меня есть друг — юрист!

В е с л и. Друг — юрист?

Э л л а. Да. И весьма преуспевающий. Он занимается всеми моими делами.

В е с л и. Ты наняла юриста?

Элла. Я тебе сказала, он друг. Он делает это из хорошего отношения.

Весли. Ты ему не платишь?

Элла. Он берет проценты. Небольшие.

Весли. И ты собираешься просто сгнуть с денежками, никому не сказав?

Элла. Я говорю тебе. Этого достаточно. Можешь уехать вместе со мной.

Весли. Это дом, где я живу.

Элла. Ничего себе дом. У него даже нет теперь входной двери. В дождь все здесь зальет.

Весли. На вырученные деньги тебе не добраться и до Сан-Диего. Весь дом заражен термитами.

Элла. Земля, вот что ценится. В наши дни все мечтают о хорошем участке.

Весли. Участке?

Элла. Это прекрасная земля для застройки. Знаешь, почему сегодня земля? Угадай.

Весли. Понятия не имею.

Элла. Дорого. Стоит кучу денег. Люди тратят тысячи и тысячи каждый день на такие вот вещи. Банки ссужают деньги направо и налево. Маленькие семейные ссуды. Люди строятся. Все хотят кусок земли. Это единственно надежное вложение капитала. Земля никогда не упадет в цене, как автомобиль или стиральная машина. Через десять лет земля станет в два раза дороже. Даже раньше. Земля дорожает с каждым днем.

Весли. Ты с ума сошла.

Элла. Почему это? Потому что не хлопаю ушами? Кто занимается у нас хозяйством?

Весли. Я!

Элла. Ха! Шутник! Что ты делаешь? Дал корма паре овец. Подрезал деревья раз в году. Поливал. Что еще?

Весли. Я занимаюсь домом.

Элла. Я не говорю об уборке. Я имею в виду ремонт. Чтобы все выглядело так, будто здесь действительно кто-то живет. Это ты делаешь?

Весли. Здесь действительно кто-то живет!

Элла. Кто! Только не твой отец!

Весли. Он работает по дому. Он поливает сад.

Элла. Когда может стоять на ногах. Как часто это бывает? Он приходит сюда, валется на полу в беспамятстве дня три,

потом пропадает на неделю. И ты называешь это работой? Я не могу тащить все хозяйство на своих плечах.

Весли. Никто тебя не просит!

Элла. Да, никто меня не просит. И точка! Я продаю дом, и этим все сказано!

Продолжительная пауза. Весли встает.

Куда ты?

Весли. Дал корма овцам! *(Выходит налево.)*

Элла *(кричит ему вслед).* Прошу тебя Весли, посмотри, как там Эмма. Не нравится мне, что она там одна. Эта лошадь бешеная.

Голос Весли *(за сценой).* Он убьет тебя, когда узнает!

Элла *(встает, кричит).* Не узнает! *(Пауза, ждет ответа; тишина; кричит опять.)*

Единственно кого он убьет, так это себя!

(Снова пауза, ждет, что ответит Весли. Ответа нет. Возвращается к столу, упирается пустым взглядом в тарелку. Берет ее, несет к плите. Ставит на плиту. Тупо смотрит на плиту. Поворачивается к холодильнику, смотрит на него. Подходит к нему, открывает. Заглядывает внутрь.)

Пусто. *(Закрывает дверцу холодильника. Говорит сама с собой.)* Нет, меня он не убьет. Имею полное право продать. Полное право. Придаться ему тут не к чему.

(Смотрит на холодильник, вновь открывает его и заглядывает внутрь.)

Справа входит Эмма, держа в руке веревочную уздечку. Ее белая клубная форма вся в грязи. Наблюдает за Эллой, которая изучает содержимое холодильника.

Эмма. Эта зверюга чуть не убила меня.

Элла *захлопывает дверцу, поворачивается к Эмме.*

Элла. Что стряслось?

Эмма. Протащила меня через весь загон.

Элла. Говорила тебе, не связывайся с этой дурехой. Бешеная она, эта кобыла.

Эмма. Как еще мне отсюда выбраться?

Элла. Нечего тебе пока отсюда выбираться. Слишком молода еще. Пойди переоденься.

Эмма. Зато не слишком молода, чтобы рожать детей, так?

Элла. Не болтай глупости. Иди, смени свою клубную форму.

Эмма. У меня другой нет.

Элла. Ну, надень что-нибудь другое.

Эмма. Не могу я сидеть здесь вечно.

Элла. Никто и не собирается сидеть здесь вечно. Мы все уезжаем.

Эмма. Уезжаем?

Элла. Да. Мы едем в Европу.

Эмма. Кто едет?

Элла. Все мы.

Эмма. Папа тоже?

Элла. Нет. Наверное, нет.

Эмма. Как это? Ему бы понравилось в Европе. Разве нет?

Элла. Не знаю.

Эмма. Хочешь сказать, только ты, я да Весли едем в Европу? Это ужасно.

Элла. Почему? Что тут ужасного? Вроде бы на каникулы.

Эмма. Ведь там будет так же, как здесь.

Элла. Нет не так! Мы будем в Европе. Совсем новые места.

Эмма. Но мы-то останемся такими же.

Элла. Что с тобой? Почему ты так говоришь?

Эмма. Ну да, такими же.

Элла. Я бьюсь изо всех сил, чтобы сделать как лучше. Стараюсь что-то изменить. Хоть как-то скрасить нашу жизнь приключениями, а ты берешь и разбираешь все вдребезги.

Эмма. Все равно у нас нет денег, чтобы раскатывать по Европе.

Элла. Ступай переоденься!

Эмма. Не хочу. *(Идет к столу и садится в правой части сцены.)*

Элла. Будь твой отец здесь, ты бы вмиг переоделась.

Эмма. Его нет.

Элла. Почему ты упрямишься?

Эмма. Потому, что мне это смертельно надоело! И кончится все смертью.

Элла. Ты еще мала, чтобы так говорить.

Эмма. Я лежала там, в грязи, и меня тащило по этой грязи.

Элла. Сама виновата. Говорила тебе, не ходи.

Эмма. И вдруг все изменилось. Я была уже не та, что раньше. Я стала просто куском мяса, привязанного к огромному животному. И меня волокло...

Элла. Может, теперь до тебя дойдет, как это опасно.

Эмма. В голове я уже прокрутила все свое путешествие. Хотела отправиться в Калифорнию или куда-нибудь поужнее.

Элла. В Мексику?

Эмма. Собиралась наняться на рыбацкую шхуну. Глубоководная рыбная ловля. Помогать туристам вытаскивать огромную меч-рыбу или барракуду. Хотела побродяжничать по побережью, ночуя в каждом маленьком городке. Болтать с людьми по-испански. Хотела выучиться на механика и ремонтировать «джипы»-вездеходы, когда они ломаются. Коробки передач. Могла бы научиться чинить что угодно. А еще я бы выучилась на повара и между делом писала романы. В кухне. Кухонные романы. Потом меня бы напечатали, и я бы исчезла, подалась куда-нибудь в глубинку, в Мексику. Точь-в-точь, как тот тип.

Элла. Какой еще?

Эмма. Который написал «Сокровища Сьерра-Мадре».

Элла. Когда ты успела это посмотреть?

Эмма. Вместо фамилии он поставил инициалы. И исчез. Никто не знал, куда переслать ему гонорары. Сгинул.

Элла. Будет трепать языком, Эмма. У тебя не то воспитание, чтобы заниматься такими делами. Не для тебя это. Ты же прекрасно вышиваешь, зачем тебе идти в механики?

Эмма. Я люблю автомобили. Люблю путешествовать. Мне нравится воображать, как у людей ломаются машины, а я — единственный человек, кто может помочь им вновь отправиться в путь. Это все равно, что быть волшебником. Просто открыл капот и совершил чудо.

Элла. Что это ты так раз мечталась?

Эмма. Сейчас я не мечтаю. Мечтала тогда. До того самого момента. Пока не надела уздечку. Как только она рванулась с места — я перестала. Перестала мечтать и увидела, как меня волочит по грязи.

Элла. Ступай переоденься.

Эмма. Перестань повторять это без конца, как будто этим ты снимешь с себя ответственность.

Элла. Ты так со мной говоришь — я даже не могу уловить о чем...

Эмма. Это хорошо.

Элла. Почему это хорошо?

Эмма. Потому что, если бы могла, это значило бы, что ты меня понимаешь.

Пауза. Элла вновь открывает холодильник и заглядывает в него.

Хочешь есть?

Элла. Нет.

Эмма. Просто привычка?

Элла. Что?

Эмма. Открывать и закрывать?

Элла (*закрывает холодильник и поворачивается к Эмме*). Господи, Эмма, что мне с тобой делать?

Эмма. Отпустить.

Элла (*после паузы*). Ты слишком мала еще. (*Выходит налево.*)

Эмма остается сидеть за столом. Оглядывает кухню, медленно встает, идет к холодильнику. Останавливается перед ним, затем открывает дверцу и заглядывает. Говорит, обращаясь внутрь холодильника.

Эмма. Привет? Что-нибудь здесь есть? Мы не разорились, понимаешь, так что тебе нечего скрывать. Не знаю уж, куда деньги идут, но мы не разорились! Мы не принадлежим к умирающему с голоду классу!

Тейлор, юрист, входит справа и видит, как Эмма разговаривает с холодильником. Он средних лет, одет в хороший костюм, в руках «дипломат». Наблюдает за Эммой.

(*В холодильник.*) А кукурузные булочки здесь живут? Хэллоу! Что-нибудь поесть? Хотя бы брюква? Какие-нибудь овощи? Ничего? Ну ладно. Тебе нечего стыдиться. У меня бывало и похуже. Приходилось носить в школу завтрак, завернутый в бумагу магазина «Веберз», той самой лавки для бедняков. Вот это самое неприятное. Хуже, чем совсем без завтрака. Так что не смущайся! Не успеешь и глазом моргнуть, как у тебя появятся гости! В твоих боковых кармашках поселятся славные куриные яички, в твоих ящичках — золотистый маргарин, а замороженная курица будет жить в твоём... (*Пауза.*) Ты не видел мою курицу, видел — нет? Ах ты, мать твою..! (*Захлопывает дверцу холодильника и поворачивается. Видит Тейлора.*)

Они смотрят друг на друга. Тейлор улыбается.

Тейлор. Мама дома?

Эмма. Не знаю.

Тейлор. Я видел, там стоит ее машина и подумал, что она дома.

Эмма. Это не ее машина.

Тейлор. О! Я подумал, что ее.

Эмма. Это машина моего отца.

Тейлор. Она водит ее, не так ли?

Эмма. Купил ее он.

Тейлор. О-о-о. Понятно.

Эмма. Это «кейзер-фрейзер».

Тейлор. О!

Эмма. Ему нравятся редкие машины. У него есть еще «паккард».

Тейлор. Понятно.

Эмма. Вы-то кто?

Тейлор. Моя фамилия Тейлор. Я адвокат вашей матери.

Эмма. Она что, попала в историю, или еще чего?

Тейлор. Нет. Отнюдь.

Эмма. Тогда что вам здесь надо?

Тейлор. Видите ли, у меня дело к вашей матери.

Эмма. Какой-то вы скользкий.

Тейлор. О-о-о, неужели?

Эмма. Да, правда. Вся в мурашках от вас. Что-то в вас такое странное.

Тейлор. Я в самом деле пришел поговорить с вашей матерью.

Эмма. Знаю, но говорите-то вы сейчас со мной.

Тейлор. Да. (*Пауза, чувствует себя неловко, оглядывается.*) Кто-то сломал вам дверь?

Эмма. Отец.

Тейлор. Нечаянно?

Эмма. Нет, нарочно. Его послали ко всем чертям, вот он и...

Тейлор. Понятно. У него, должно быть, ужасный характер.

Эмма. Что вам здесь надо?

Тейлор. Я уже сказал вам...

Эмма. Да, ну а мать вам для чего?

Тейлор. У нас одно дело.

Эмма. Она не деловая женщина. Она ничего не смыслит в бизнесе.

Тейлор. Отчего же?

Эмма. Простушка она. Поверит чему угодно.

Тейлор. Она показалась мне достаточно разумным человеком.

Эмма. Зависит от того, для чего вы ее используете.

Пауза. Тейлор смотрит на нее.

Тейлор. Не нужно грубить.

Эмма. Мне нечего терять.

Тейлор. Вы ведь ее дочь, не так ли?

Эмма. Какими адвокатскими делами вы занимаетесь?

Тейлор. Не возражаете, если присяду?

Эмма. Я не возражаю. Хотя отец мой, тот может и возразить.

Тейлор. Его ведь нет дома, да?

Эмма. Он может придти с минуты на минуту.

Тейлор (*подходит к стулу у стола*). Ладно, я подожду вашу мать.

Эмма. Он очень вспыльчивый. Он чуть не убил тут одного дядю, с которым ее застучал.

Тейлор (*садится на стул*). Вы неправильно меня поняли. Я здесь по делу.

Эмма. Короткое замыкание — так его зовут. Его отец был такой же. И отец того отца такой. Весли тоже очень похож на отца. Как жидкий динамит.

Тейлор (*ставит «дипломат» на стол*). Жидкий динамит?

Эмма. Да. Как называется эта штука?

Тейлор. Не знаю.

Эмма. Это химикат. От него же он пьет. Что-то в крови наследственное. Очень взрывчатое.

Тейлор. Похоже, опасная штука.

Эмма. Да.

Тейлор. Вы не боитесь жить в таком окружении?

Эмма. Нет. Боятся те, у кого это самое в крови, а не те, у кого его нет. У меня его нет.

Тейлор. Ясно.

Эмма. Нитроглицерин. Вот как он называется. Нитроглицерин.

Тейлор. Что вы имеете в виду?

Эмма. В крови. Нитроглицерин.

Тейлор. Не могли бы вы пригласить вашу мать?

Эмма (*кричит, глядя в лицо Тейлору*). Мам!!!

Тейлор (*после паузы*). Благодарю вас...

Эмма. Для чего вам моя мать?

Тейлор (*начиная раздражаться*). Я уже вам сказал!

Эмма. У нее идет кровь?

Тейлор. Что?

Эмма. Ну, понимаете? Идет из нее кровь?

Тейлор. Не думаю, что стоит продолжать этот разговор.

Эмма. Ладно. (*Подходит к столу и садится напротив Тейлора. Смотрит на него в упор.*)

Какое-то время они сидят молча. Тейлор нервно ерзает, барабанит по «дипломату». Эмма наблюдает за ним.

Тейлор. Замечательный у вас дом.

Пауза. Эмма смотрит на него:

Я имею в виду место, расположение. У этой земли большое будущее. (*Пауза.*) Конечно, грустно наблюдать, как сельское хозяйство постепенно отходит на задний план, уступая строительству дешевых домов. Но таковы уж времена, в которые мы живем. Просто на планете сегодня стало больше людей. Вот в чем все дело. Простая математика. Больше людей требуют больше крова. Больше крова — надо больше земли. Это уравнение. Каким-то образом мы должны обеспечить людей. Новых людей. Нам повезло, что мы живем в стране, где это возможно. В некоторых странах, например в Индии, это просто невозможно. Люди живут под банановыми листьями.

Весли входит справа и вносит складной заборчик, устанавливает его посредине сцены — образуется небольшой прямоугольный загон. Весли смотрит на Тейлора, затем поворачивается к Эмме.

Весли. Кто это?

Эмма. Юрист.

Тейлор встает и, широко улыбаясь, протягивает Весли руку. Тот не подает руки, разглядывает незнакомца.

Тейлор. Тейлор. Вы, должно быть, сын. **Весли.** Да, сын. (*Уходит направо.*)

Тейлор опять присаживается, нервно улыбается Эмме, которая разглядывает его в упор.

Тейлор. Странное чувство.

Эмма. Какое?

Тейлор. Такое ощущение, будто я на вражеской территории.

Эмма. Так оно и есть.

Тейлор. Не испытывал такого с войны.

Эмма. Какой войны?

Тейлор смотрит на нее. Справа снова входит Весли с живой овечкой на руках. Опускает ее в отгороженный загон. Наблюдает, как она там бродит.

(*К Весли*). Что с ней такое?

Весли (*наблюдая за овечкой*). Глисты. **Эмма**. Неужели нельзя держать ее во дворе? Тут она перезаразит всех микробами.

Весли (*наблюдая за овечкой*). Набралась у матери.

Эмма. Набралась чего?

Весли. Микробов. Идей про микробов. Микробы-невидимки таинственно носятся в воздухе. Переносчиком может быть все, что угодно.

Тейлор (*к Весли*). Ну да, в самом деле, если у животного глисты, его нельзя держать на кухне. Около пищи.

Весли. У нас нет никакой пищи.

Тейлор. О-о. Ну, а когда у вас бывает еда, вы ее готовите здесь, не так ли? **Эмма**. Чушь все это. Здесь мой братец мочится прямо на пол.

Тейлор. Вы всегда разговариваете с незнакомыми людьми таким образом? **Эмма**. Смотрите, вон там, на полу — это его лужа. Прямо на моей диаграмме.

Весли (*повернулся к Тейлору*). Что вы здесь делаете все-таки?

Тейлор. Мне кажется, я не обязан все время давать отчеты. Я здесь, чтобы встретиться с вашей матерью.

Весли. Вы тот человек, кто хочет продать наш дом?

Тейлор. Мы ведем переговоры, да.

Эмма (*вставая*). Что? Какой дом вы хотите продать? Этот дом?

Тейлор (*Эмме*). Разве она вам не сказала?

Весли. Она сказала мне.

Эмма. Где же мы будем жить!

Весли (*Эмме*). Ты же все равно уходишь из дома. Тебе-то что?

Эмма (*кричит в сторону кулис*). Мам!!!

Тейлор (*Весли*). Я вовсе не хотел шокировать ее, ни в коем случае.

Весли (*Тейлору*). А вы не собираетесь поговорить с моим стариком?

Тейлор. В данный момент в этом нет необходимости.

Весли. Знаете, он никогда не согласится на продажу.

Тейлор. М-м, возможно, ему придется дать согласие. По словам вашей матери, он задолжал большую сумму денег.

Эмма. Кому? Кому это он должен деньги?

Тейлор. Всем. Он по уши в долгах.

Эмма. Он и цента никому не должен. За все уплачено!

Весли. Эмма, замолчи! Пойди переоденься.

Эмма. Сам замолчи! Этот тип — проходимец, и он хочет распродать нас всех с потрохами. Полное дерьмо, вот что он такое.

Весли. Знаю, что дерьмо! Заткнись, тебе говорят!

Эмма (*Тейлору*). Мой отец никому не должен!

Тейлор (*Весли*). Очень сожалею. Я думал, ваша мать поставила ее в известность.

Элла входит слева в нарядном платье, с сумочкой, в белых перчатках. Увидев ее, Тейлор встает.

Элла. Из-за чего весь этот крик? О-о, мистер Тейлор. Я думала, вы придете через полчаса.

Тейлор. Да, именно так. Но я увидел вашу машину у дома и решил зайти пораньше.

Элла. Ну, что ж, рада, что зашли. Вы познакомились со всеми?

Тейлор. Да.

Элла (*заметив овцу*). Что здесь делает это животное, Весли?

Весли. У нее глисты.

Элла. А ну-ка, убери ее из кухни.

Весли. Во всем доме это самое теплое место.

Элла. Вон ее!

Эмма. Мам, ты продаешь дом?

Элла. Кто ей сказал?

Тейлор. Знаете, как-то проскользнуло в разговоре.

Элла. Не хочу сейчас обсуждать это с тобой, Эмма. Иди, переоденься.

Эмма (*холодно*). Если продашь дом, никогда меня больше не увидишь. (*Выходит.*)

Тейлор (*растерянно улыбается*). Я очень виноват. Полагал, что она знает.

Элла. Не имеет значения. Все равно она уходит из дома. Вес, я иду с мистером Тейлором на ланч обсудить наши дела. Когда вернусь — чтобы овцы на кухне не было.

Тейлор (*вновь протягивает руку Весли*). Очень приятно было с вами познакомиться.

Весли, уставившись на него, игнорирует этот жест.

Элла (Тейлору). Он нелюдим от природы. Весь в отца.

Тейлор. Понятно. (Весли.) Тоже нитроглицерин, я полагаю? (Усмехается).

Элла и Тейлор идут направо.

Элла (поворачиваясь к Весли). Пригляди за Эммой, Вес. У нее эти женские дела. Знаешь, как все это девушке в первый раз в таком возрасте.

Тейлор и Элла выходят. Весли стоит некоторое время. Поворачивается, смотрит на овцу.

Весли. «Ешьте американскую баранину. Двадцать миллионов койотов не могут ошибаться». (Подходит к холодильнику, открывает его. Долго смотрит внутрь.) Не везет. Санта Клаус еще не приходил. (С шумом захлопывает дверцу и поворачивается к овце. Смотрит на нее.) Тебе повезло, я не умираю с голоду. Тебе повезло, что это цивилизованный дом. Тебе повезло, что это не Корея, где дождь хлещет сквозь картонные стены, а ты привязана к бревну, и кругом грязь, и ты промокла до мозга костей, и ты — одни ребра, и умираешь с голоду, но это ничего не значит, потому что кто-то голоден больше, чем ты. И голод заставляет его взять нож и перерезать тебе горло и сожрать тебя, твое сырое мясо. Его голод пожирает тебя, а ты умираешь с голоду.

Справа за стеной слышен грохот падающих баков для мусора. Это Вестон, отец Весли.

Голос Вестона (за сценой). Кто это поставил эти чертовые баки для помойки прямо перед этой чертовой дверью?

Весли прислушивается секунду, затем бросается со сцены налево. Справа снова доносится грохот. Слышно, как Вестон ругается, затем он входит с огромной сумкой, полной грязного белья и большим пакетом. Он очень крупного телосложения, средних лет. На нем темное пальто — похоже, что он спал в нем, — голубая бейсбольная кепка, мешковатые штаны и теннисные тапочки. Он небрит и слегка наве-

селе. Делает несколько шагов, видит овцу — и останавливается, как вкопанный. Долго разглядывает ее, затем идет к столу, ставит сумку и пакет на стол. Возвращается к центральной части сцены и опять смотрит на овцу.

Вестон (к овце). Какого дьявола, что ты здесь делаешь? (Оглядывается по сторонам, разговаривает сам с собой.) Внутри это или снаружи? Это внутри, так? Это внутри дома. Хоть двери нет, это все же внутри. (К овце.) Верно? (Сам с собой.) Верно. (К овце.) Так какого дьявола, что ты здесь делаешь, если это внутри? (Посмеиваясь.) Не смешно. (Идет к холодильнику, открывает.) Прекрасно! Ноль! Абсолютный ноль! Вакуум! Мать вашу! (Кричит на весь дом.) Мы опять за свое! Ушли и бросили все опять на старика! Все хлопоты по дому! Все хозяйство! Прекрасно! (С шумом захлопывает дверцу холодильника, идет назад к столу.) Не знаю даже, для чего мы держим в доме холодильник. Единственное, на что он годен — так это хлопать дверцей. (Берет пакет с покупками, подходит к холодильнику.) Шлепают дверцей весь день и всю ночь. Шлеп! Шлеп! Шлеп! На что все надеются, на чудо! Что, все надеются на чудо? (Открывает холодильник.)

В это время появляется Весли и останавливается. Вестон стоит к нему спиной, вынимая артишоки из пакета и складывая их в холодильник.

Нет больше чудес! Не будет сегодня чудес! Все вышли! Остался один я! Мистер рабский труд — собственной персоной явился домой, чтобы пополнить пустую кладовку!

Весли. Чего орешь? Здесь никого нет.

Вестон круто поворачивается лицом к Весли. Весли стоит не шелохнувшись.

Вестон. Какого черта ты подкрадываешься? Так тебя и прибить недолго.

Весли. Что в пакете?

Вестон. Продукты! Что еще. Кто-то должен кормить этот дом. (Поворачивается к холодильнику и продолжает складывать туда артишоки.)

Весли. Какие продукты?

Вестон. Артишоки! А ты что думал? **Весли** (*подходит ближе*). Артишоки? **Вестон.** Да. Отличные десертные артишоки. Взял их за полцены там, в Хот Спрингз.

Весли. Ты что, мотался в такую даль? За артишоками?

Вестон. Конечно, нет. Думаешь, я полный идиот или совсем того? Ездил туда взглянуть на мой участок.

Весли. Какой участок?

Вестон. Моя земля в пустыне! Кончай болтать! Все шло так хорошо, пока ты не вошел. Я говорил сам с собой и все было так прекрасно. (*Выкладывает все из пакета в холодильник, захлопывает дверцу. Сминает пакет, идет обратно к столу. Открывает сумку с грязным бельем и начинает выкладывать его горками на столе.*)

Весли идет к холодильнику, открывает его, смотрит на артишоки. Вынимает один, разглядывает, кладет обратно. В это время разговор продолжается.

Весли. Не знал, что у тебя есть участок в пустыне.

Вестон. Само собой, есть. У меня там полтора акра.

Весли. Никогда не говорил мне.

Вестон. А чего это я буду говорить тебе? Я сказал твоей матери.

Весли. Она никогда не говорила мне.

Вестон. А-а, да замолчи ты!

Весли. Что там за земля?

Вестон. Не такая, какая я думал, это уж точно.

Весли. Какая?

Вестон. Да не то, что ожидал. Какой-то тип постучал в дверь, предложил продать землю. Ну, я и купил участок.

Весли. Какой тип?

Вестон. Какой-то. Выглядел прилично. Говорил гладко. Сказал, что, мол, хороший вклад капитала на будущее. Понастроят, мол, там всяких шикарных вещей. Лужайки для гольфа, торговые центры, банки, сауну. Всякую такую всячину. Ну, я и купил.

Весли. Сколько заплатил?

Вестон. Ну, я не платил целиком. Внес кое-какой задаток. Что я, дурак, что ли.

Весли. Сколько?

Вестон. С какой стати я должен тебе говорить? Деньги я занял, и не твоего ума дело сколько!

Весли. Но, выходит, тебя надули, а?

Вестон. Полное говно. Три засохших кустика, где шныряют ящерицы.

Весли. И ничего вокруг?

Вестон. Ничегошеньки. Одна пустыня. Воды, и той к этому треклятому месту никак не подвезешь. Даже вагончик не поставишь.

Весли. Где этот тип сейчас?

Вестон. Откуда я знаю! Кстати, где мать-то твоя?

Весли (*захлопывая холодильник*). Уехала.

Вестон. Знаю, что уехала. Машины нет. Куда она отправилась?

Весли. Не знаю.

Вестон (*скомкав пустую сумку, зажимает ее под мышкой*). Значит, когда придет, скажи, пусть постирает мне белье, скажи, чтоб не отбеливала ничего, кроме носков и не крахмалила воротнички. В состоянии запомнить?

Весли. Думаю, да. Не отбеливать, не крахмалить.

Вестон. Точно. Все понял. Смотри не забудь. (*Уходит направо.*)

Весли. Куда ты?

Вестон. Не твое дело, куда! Я сам за себя ответчик. (*Останавливается, смотрит на овцу.*) Что с овцой?

Весли. Глисты.

Вестон. Бедная тварь. Дай ей этого синего дерьма. Оно ей поможет. Знаешь, то синее пойло в бутылке?

Весли. Ага.

Вестон. Дай ей его. (*Останавливается на секунду, оглядывается вокруг.*) Знаешь, я даже подумывал продать этот дом.

Весли. Ты, продать?

Вестон. Ну да. Только не говори матери.

Весли. Не буду.

Вестон. Банк, может, и не разрешит мне, но я думал, что все-таки продам его и куплю землю где-нибудь в Мексике.

Весли. Почему там?

Вестон. Нравится мне там. (*Смотрит опять на овцу.*) Не забудь об этом синем пойле. Не могу позволить себе та-

кую роскошь — терять овцу. Всего-то было два помета по два ягненка, так ведь? **Весли.** Три.

Вестон. Ладно, значит, три. Не очень-то много. *(Выходит направо.)*
Весли смотрит на овцу. Затемнение.

Действие второе

Декорации те же. В темноте слышны звук пилы и стук молотка. Луч прожектора постепенно высвечивает Весли, который мастерит новую дверь посредине сцены. Вокруг разбросаны молотки, гвозди, пила и доски. Пол покрыт опилками. Загончика и овцы уже нет. Большая кастрюля с артишоками варится на плите. Грязное белье Вестона все еще лежит горой на столе. Эмма сидит слева за столом и на больших листах картона чертит фломастером новые схемы. Она в бриджах, сапогах для верховой езды и ковбойке. Оба молча занимаются своим делом, крайне сосредоточены. Весли замеряет рулеткой доски и пилит их на одном из стульев. Затем сколачивает доски гвоздями.

Эмма. Думаешь, она крутит с этим типом?

Весли. С кем, с Тейлором? Откуда я знаю?

Эмма. Я думаю, крутит. Бегаёт за ним из-за его денег.

Весли. Это он зарится на наши деньги. Сдались ей его деньги.

Эмма. Какие-то наши?

Весли. Наши будущие деньги.

Эмма. Эта ферма не так уж много стоит.

Весли. Ясное дело, не в таком виде. Но они поделят землю, нарежут на участки.

Эмма. Ей нужно не только это.

Весли. Что это?

Эмма. Деньги. Ей нужно его положение.

Весли. Чье, Тейлора?

Эмма. Ну. Он для нее как счастливый билетик. Она не хочет увязнуть здесь, в этом дерьме на всю жизнь.

Весли. Об этом ей бы надо было подумать давным-давно.

Эмма. Не могла. Из-за отца. Он не да-

вал ей думать. Она просто плыла по течению.

Весли. Не умеет она думать. Он тоже.
Эмма. Не бей наотмашь.

Весли. Разве они могут думать, если они все время на взводе, им некогда думать.

Эмма. Как это ты мне не сказал, что отец приходил вчера вечером?

Весли. Не знаю.

Эмма. Мог бы сказать.

Весли. Он просто принес свое грязное белье и сразу ушел.

Эмма. Еще принес поесть.

Весли. Артишоки.

Эмма. Лучше, чем ничего.

Пауза, продолжают работать.

Они сейчас, наверное, уж на полпути в Мексику.

Весли. Кто?

Эмма. Она льнет к нему, и заливается смехом, и крутит ручку радио. Его распирает от гордости. Он покупает ей горячие сосиски с булочкой и хвастается своим бизнесом.

Весли. Она вернется.

Эмма. Она рассказывает ему всю дорогу про нас и как отец с ума сходит, и как все пытается убить ее. Она счастлива катить куда глаза глядят. Счастлива повидать новые места, что проносятся мимо. Они пересекают границу и идут играть на деньги в джай-алэ, знаешь, есть такая игра. Потом отправляются купаться в Баджу, на пляжи. По ночам разводят костры и жарят рыбу. А утром — снова в путь. Но у них ломается машина где-то недалеко от местечка под названием Лос-Серритос. Приходится голосовать, чтобы добраться до города, пять миль на попутных. Они приходят на маленькую, выдавшую виды, заправочную станцию с одной бензоколонкой и собакой о трех лапах. Во всем городе

всего один механик, и это я. Но они меня не узнают. Спрашивают, могу ли я починить их «карро», и я говорю с ними только по-испански. К тому времени я уже отвыкла говорить по-английски. Хотя все понимаю. Везу их назад, к месту поломки на своем отлаженном до последней гайки вездеходе «Интэрнешнл» с четырьмя ведущими. Выскакиваю из машины и заглядываю под капот. Вижу, что полетел только ротор распределителя, но говорю им, что надо ставить целиком новый генератор, новую катушку, контакты и слегка подрегулировать карбюратор. Возни тут на всю ночь, и мне придется выставить им счет за такую работу. Ставлю им раскладушку в гараже и только они заснут, снимаю к чертям весь двигатель и засовываю туда капитально отремонтированный от «фольксвагена». Утром выставляю счет за работу в двойном размере. Говорю им «счастливого пути», тут же перепродаю их двигатель за маленькое состояньице.

Весли. Если ты ничего не делаешь, посмотри-ка артишоки.

Эмма. Делаю.

Весли. Что?

Эмма. Заново мои рисунки.

Весли. И чего только ради ты трастишь время на эту чепуху? Занялась бы чем-нибудь более полезным.

Эмма. Вроде — артишоков?

Весли. Да.

Эмма. Сам посмотри свои артишоки. Я занята.

Весли. Ты что, как с цепи сорвалась?

Эмма. Не цепляйся ко мне. Это нехорошо. Мог бы относиться ко мне с большим уважением.

Весли. Подлей-ка туда воды, прошу тебя. Пока они не пригорели.

Эмма бросает фломастер и идет к кастрюле с артишоками. Заглядывает в нее, затем возвращается к столу и продолжает чертить схемы.

Ну как они там?

Эмма. В порядке. Просто маленький кипящий рай в горшке. А что ты все-таки мастеришь?

Весли. Новую дверь. А на что это похоже?

Эмма. Похоже на кучу напиленных досок.

Весли. По крайней мере, нужная вещь.

Эмма. Мы прекрасно обходимся без входной двери. К тому же она может отпугнуть будущих покупателей. Дом станет смахивать на курятник. О-о, мой цыпленок! Я готова была убить ее тогда.

Весли. Ты, кажется, все еще не понимаешь, что происходит?

Эмма. С чем?

Весли. С домом. Думаешь, это мистер и миссис Америка собираются купить наш дом. Ничего подобного. Это — Тейлор.

Эмма. Он юрист.

Весли. Он работает на фирму. По застройке участков.

Эмма. Ну и что?

Весли. А это означает нечто большее, чем просто потерю дома. Это означает потерю земли.

Эмма. Ты говоришь об этом, как о каком-то вторжении.

Весли. Так оно и есть. Это и есть нападение живых мертвецов, вторжение зомби. Тейлор — самый первый зомби. Он разведчик. Он — только знак того, что на подступах — еще больше зомби. Очень скоро они начнут ломиться в дверь.

Эмма. Как только ты ее сделаешь.

Весли. Появятся бульдозеры, перепахивающие сад, гигантские стальные шары, сокрушающие стены. Появятся прорабы с закатанными рукавами и чертежами под мышкой и стальные конструкции, покрывающие весь участок. Горы цемента. Железобетонные блоки. Зомбийская архитектура, построенная этими зомби для пользы и удобства других зомби. Город зомби! Прямо здесь! Здесь, где мы сейчас живем.

Эмма. Мы можем постоять за себя. У отца есть ружье.

Весли. Японское ружье.

Эмма. Оно стреляет. Я видела, как он однажды подстрелил из него павлина.

Весли. Павлина?

Эмма. Разнес его на клочки. Он сидел вон там, на платане. Орал всю ночь напролет.

Весли. Наверное, звал самку.

Эмма (после продолжительной паузы). Думаешь, они вернуться?

Весли. Кто?

Эмма. Родители.

Весли. В смысле вообще?

Эмма. Ну да. Может быть, они никогда не вернутся, и тогда вся эта ферма будет наша. Мы могли бы здесь много чего понаделать.

Весли. Не собираюсь оставаться тут вечно.

Эмма. Куда же ты отправишься?

Весли. Не знаю. Может, на Аляску?

Эмма. На Аляску?

Весли. Туда. А почему бы нет?

Эмма. Что хорошего там, на Аляске?

Весли. Граница.

Эмма. С ума сошел? Там все промерзло и полно насильников.

Весли. Полно возможностей. Ее еще не открыли.

Эмма. Кто захочет открывать глыбу льда?

Неожиданно справа на сцену выходит, спотыкаясь, Вестон. Он гораздо пьянее, чем в прошлый раз. Эмма стоит у стола, не зная, остаться или уйти. Вестон смотрит на нее.

Вестон (к Эмме). Спокойно! Спокойненько! Это лишь твой старик, никого больше. Сядь!

Эмма садится. Весли застыл рядом в неловкой позе. Вестон смотрит на доски, разбросанные по полу.

(К Весли.) Какого черта все это тут валяется? Ты что, строишь здесь амбар или еще что?

Весли. Новую дверь.

Вестон. Чего? Не говори горлом, не загоняй голос вглубь горла, как червь! Говори зубами! Давай, говори.

Весли. Я и говорю.

Вестон. Ладно. Так вот, спрашиваю тебя, что все это такое. Что это такое?

Весли. Это новая дверь.

Вестон. Что такое — новая дверь? Что случилось со старой дверью?

Весли. Ее нет.

Вестон. А-а-а! (Поворачивается к Весли.) Куда она делась?

Весли. Ты ее вышиб.

Вестон. А-а-а. (Смотрит на стол.) Мое белье еще не постирали?

Эмма. Она еще не приходила.

Вестон. Кто не приходил?

Эмма. Ма.

Вестон. Она еще не приходила? Прошла целая ночь. Разве не прошла целая ночь?

Эмма. Да.

Вестон. Разве солнце не поднялось и не упало на эту несчастную планету?

Эмма. Да.

Вестон (поворачиваясь к Весли). Так где же она околачивается?

Весли. Не знаю.

Вестон. Не морочь голову! Говорю тебе, не морочь мне голову! (Начинает двигаться в сторону Весли.)

Весли быстро отскакивает. Вестон останавливается. Стоит, покачиваясь.

Весли. Я не знаю. Правда.

Вестон. Не пытайся ее выгораживать. Нашелся защитничек! Понял! Никакой защиты! Теперь она свое схлопочет!

Весли. Я не знаю, куда она ушла.

Эмма. Она ушла с юристом.

Вестон (медленно поворачивается к Эмме). С кем?

Эмма. С юристом.

Вестон. Что за юрист? Законник? Человек закона? (Неожиданно орет.) Что значит юрист?

Эмма. Один тип, зовут Тейлор.

Долгая пауза, во время которой Вестон смотрит на нее пьяным взглядом, пытается осмыслить услышанное. Затем поворачивается к Весли.

Вестон. Тейлор? Ты знал?

Весли. Я думал, она уже вернется к этому часу. Она сказала, что идет на деловой ланч...

Вестон. Так ты знал!

Эмма. Может, они попали в аварию. Вестон (к Эмме). На моей машине! На моем «кейзер-фрейзере»! Я сверну ему его... шею!

Весли. Может, они правда попали в аварию. Я обзвоню больницы.

Вестон. Никому не звони! (Спокойнее.) Никому не звони. (Пауза.) Не машина была, а антиквариат. Стоила целое состояние.

Эмма (после продолжительной паузы). Пап, хочешь сесть?

Вестон. Я стою. Что это тут за запах? Чем это воняет?

Весли. Артишоки.

Вестон. Они что, так пахнут?

Весли. Они кипят.

Вестон. Выключи. А то переварятся.

Весли идет к плите, выключает.

Где та чертова овца, которую ты держал здесь? Это ты для нее сооружаешь? Амбар для овцы?

Весли. Дверь.

Вестон (идет спотыкаясь). Лучше сяду. (С трудом передвигая ноги, идет и садится справа. К Эмме.) Сядь! Иди сядь!

Выключи эти артишоки.

Весли. Я выключил.

Вестон (сдвигая грязное белье в сторону). Ничего она не постирала. Все лежит, как я принес. Ничегошеньки.

Эмма. Я постираю.

Вестон. Нет, тебе не дам! Пусть она стирает! Это ее дело! Нет, чем это она занимается здесь целый день? Ты знаешь? Чем она занимается? Весь день? Чем занимается эта женщина?

Эмма. Не знаю.

Вестон. Тебе нужно быть в школе.

Эмма. Ничего, я постираю. Мне не трудно.

Вестон. Нет, ты не будешь стирать! (Продолжительная пауза.) Что ты думаешь про это место?

Эмма. Про что, про дом?

Вестон. Про весь этот фокстрот! Сад! Воздух! Ночное небо!

Эмма. Хорошее место.

Вестон (к Весли). А ты что думаешь?

Весли. Я бы не стал его продавать.

Вестон. Ты бы не стал продавать. Ты и не вправе продать! Оно не твое.

Весли. Знаю. Но не стал бы, если бы было мое.

Вестон. Отчего же? Что в нем хорошего? Какой от него толк?

Весли. Просто вот она земля. И мы на ней. И нас бы не было, если бы ее продали.

Вестон. Очень здравые рассуждения. Очень здравые. (Поворачивается к Эмме.)

У твоего братца никогда не было много здесь, в верхнем департаменте, а? Это у тебя здесь полный порядок. Ты у нас круглая отличница в классе, так ведь?

Эмма. Да.

Вестон. Лучшая ученица, а торчишь в нашем болоте. К чему собираешься приспособить себя в жизни?

Эмма. Не знаю.

Вестон. Не знаешь. Ну, лучше придумай что-нибудь побыстрее, потому что я нашел покупателя. (Пауза.) Нашел кое-кого, кто заплатит наличными. Деньги на стол! (Бьет по столу рукой.)

Продолжительное молчание, затем Эмма встает и уходит.

Что это с ней?

Весли. Не знаю. Женские дела.

Вестон. Чего? Она слишком мала для этого. В ее возрасте ничего такого еще не должно быть. Еще рановато.

Весли. Тем не менее.

Вестон. Что тут у вас происходит, когда меня нет — садитесь в кружок и толкуете о таких вещах? Тебе не положено это знать. Это строго конфиденциально промеж них. Что значит, они держат это в секрете.

Весли. Я знаю, что значит «конфиденциально».

Вестон. Хорошо.

Весли. Почему бы тебе не пойти поспать или куда еще, а то я никак не закончу эту дверь.

Вестон. А для чего она? Я же сказал тебе, что продаю эту халупу. Зачем делать новую дверь? Нечего выбрасывать деньги.

Весли. Пока еще я живу здесь. И буду жить здесь до того момента, пока не уеду.

Вестон. Очень смело. Очень мужественный взгляд на вещи. Даже зависть берет.

Весли. Тебя-то?

Вестон. Ну, да! Конечно! Чему тут можно еще завидовать? А теперь взгляни на мой! Взгляни на мой взгляд на жизнь. Ты ведь не завидуешь ему, а?

Весли. Нет.

Вестон. Это потому, что в нем полно яда, заразы. Ты ведь можешь опознать яд, а? Опознать его, когда увидишь?

Весли. Да.

Вестон. Да, можешь. Вижу, что можешь. Яд мой, он пугает тебя.

Весли. Нет, не пугает.

Вестон. Разве?

Весли. Нет.

Вестон. Ладно. Значит, ты взрослеешь. Я не мог разглядеть яда в своем отце, пока не стал намного старше, чем ты

сейчас. Намного. А потом, знаешь, как я распознал его?

Весли. Как?

Вестон. Увидел, что ношу его в себе. Его яд — в моем теле. Увидел, как сам им заразился! Думаешь, справедливо это?

Весли. Не знаю.

Вестон. Ну, все-таки, как ты думаешь? Думаешь: что хотел, то и получил?

Весли. Нет.

Вестон. Значит, несправедливо, да?

Весли. Просто так получилось!

Вестон. Не хотел, а заразился.

Весли. Что это такое, все-таки?

Вестон. Как — что такое? Разве сам не видишь, своими глазами?

Весли. Я знаю, что оно есть, но что это — не знаю.

Вестон. Когда-нибудь узнаешь.

Весли. Как?

Вестон. Как травят койотов?

Весли. Стрихнином.

Вестон. Как! А не чем!

Весли. Засыпаешь стрихнин в брюхо мертвому ягненку.

Вестон. Верно. Теперь понял?

Весли *(после паузы)*. Нет.

Вестон. Ты туповат! В самом деле туп. *(Пауза.)* Знаешь, я следил за своим отцом. Смотрел, как он ходит по комнатам. Как водит трактор, смотрит бейсбол, как старается держаться в стороне от того, что его окружает. В стороне от моей матери. В стороне от братьев. Следил за ним исподтишка. Никто его не видел, кроме меня. Все были тут, рядом, но никто его не видел, кроме меня. Он жил отдельно от всех. Прямо в гуще бытия, но — отдельно от всех. Никто этого не замечал.

Продолжительная пауза.

Весли. Хочешь артишок?

Вестон. Нет.

Весли. Кто покупатель?

Вестон. Есть один такой. Владелец бара «Алиби клуб» в центре города. Сказал, заплатит наличными.

Весли. Сколько?

Вестон. Хватит, чтобы добраться до Мексики. Там они меня не достанут.

Весли. Кто?

Вестон. Не твое собачье дело! Почему

это, как я дома, так ты начинаешь играть у меня на нервах? Почему?

Весли. Не сошлись характерами.

Вестон. Очень остроумно! Тонко подметил! Вообще, что это с тобой творится? Что ты здесь околачиваешься?

Весли. Как-никак, я твой отпрыск.

Вестон. Боже праведный, да ты кого хочешь с ума сведешь! Вроде как шпион в собственном доме. Что ты все следишь за мной?

Некоторое время смотрят в упор друг на друга.

Можешь следить за мной сколько угодно. Ничего ты не узнаешь.

Весли. Мать тоже хочет продать ферму.

Вестон бросает на него жесткий взгляд.

Вот кто такой был этот юрист. Она продает через него.

Вестон *(встает и чуть не валится с ног)*. Я убью ее! Я убью их обоих! Где мое ружье? У меня было здесь ружье! Трофейное ружье!

Весли. Успокойся.

Вестон. Сам ты успокойся. Вся эта история зашла слишком далеко! Живешь как в гадюшнике! Шпионы! Заговоры за моей спиной! Каждый из вас не прочь прокатиться за мой счет! Я один здесь работаю! Я один кормлю весь дом! Это мой дом! Я купил этот дом! И я продаю этот дом! И я беру все деньги, потому что они мне причитаются! Вы все должны их мне! Каждый из вас! Она не посмеет украсть этот дом у меня! Он мой! *(Наталкивается на стол и, обессиленный, обрушивается на него. Пытается удержаться, не сползти на пол.)*

Весли приближается к нему.

Не подходи! Я еще не помираю, слышишь, не подходи! *(Пытается забраться на стол, сбрасывая грязное белье и чертежи Эммы.)* Мне не нужна кровать. Ничего мне от вас не надо. Лягу прямо здесь. И пусть никто не трогает меня! Никто! *(Наконец забирается на стол и расплывается на нем. Постепенно впадает в забытие.)*

Весли *(наблюдает на Вестонном)*. Эмма! *Ответа нет.*

О, черт. Не покидай меня. Отец? *(Осторожно подходит к Вестону, который неожиданно приходит в себя.)*

Вестон. Не подходи близко!

Весли отскакивает.

Весли. Может, тебе лучше лечь в постель?

Вестон. Мне и тут хорошо. У меня все онемело. Ничего не чувствую. Приятно, когда весь онемел.

Весли. Знаешь, можно ведь и не продавать. Можно привести ферму в порядок.

Вестон. Уже поздно. Я задолжал деньги.

Весли. Я мог бы найти работу.

Вестон. Тебе и так придется.

Весли. Мы могли бы сами вести на ферме хозяйство, зарабатывать.

Вестон. Не говори глупостей. У нас мало фруктовых деревьев. На них не проживешь.

Весли. Мы могли бы вступить в Калифорнийскую Ассоциацию фермеров. Нам хватило бы на жизнь.

Вестон. Убирайся! Пошел вон отсюда!

Весли. Тейлор не может купить ферму без твоей подписи.

Вестон. Я убью его! Если припрет, убью и себя и его. Задавлю его «паккардом». Какой он из себя?

Весли молчит.

Какой он из себя?

Весли. Обыкновенный. Мошенник как мошенник.

Вестон *(все еще лежит на столе)*. Я найду его. Потом найду того проходимца, который надул меня, продал пустырь. Я их всех выслежу. Всех до последнего. И твою мать тоже. Я выслежу ее и пристрелю их в постели. В гостинице, в постели. Я размажу их мозги прямо по трясущейся кровати. Я выволоку его в фойе гостиницы и располокую там ему глотку. Я был на войне. Я знаю, как убивать. Я был там. Я знаю, как это делается. Я делал это раньше. Подумаешь, невидаль! Просто надо подготовиться. Убедить себя, что так будет правильно. Вот и все. Просто. Берешь и забиваешь овцу. Простенько.

Весли. Нет тебе никакой нужды его уби-

вать. То, чем он занимается — незаконно.

Вестон. Он с моей женой! Вот что незаконно!

Весли. Она вернется.

Вестон. Он не знает, с кем имеет дело. Думает, я такой же, как он. Трус. Тряпка. Гад ползучий. Он не берет в расчет то, что у меня в крови. Он знать не знает про растворенную там взрывчатку. Мы не принадлежим к одному классу. Он этого не понимает. Он этого не берет в расчет. Он рассчитывает, что я буду действовать, как подсказывает мне разум. Объяснюсь, заведу разговор по душам. Отправлюсь с ним на деловой ланч, стану обсуждать то да се. Он не ждет одного — убийства. Ему и в голову не приходит мысль об убийстве.

Весли. Успокойся, пап. Попробуй уснуть.

Вестон. Я уже сплю! Сплю прямо здесь, сейчас. Проваливаюсь... Я был летчиком, знаешь.

Весли. Знаю.

Вестон. Я поднимал в воздух огромные машины. Гиганты! Бомбардировщики. Какое зрелище. Над Италией. Над Тихим океаном. Над островами. Гиганты. Океаны. Голубые океаны...

Весли смотрит на Вестона, который постепенно погружается в забытие. Весли медленно приближается к нему.

Весли. Пап? *(Подходит ближе)*. Ты спишь? *(Поворачивается, смотрит на доски и инструменты, на холодильник.)*

Элла входит справа, несет пакет с продуктами. При виде Весли она останавливается. Весли поворачивается к ней.

Элла *(смотрит на лежащего Вестона)*. Давно он здесь?

Весли. Только что залег. Где ты была? Элла *(направляясь к холодильнику)*. В городе.

Весли. Где твой ухажер?

Элла *(открывая холодильник)*. Не груби. Кто положил сюда все эти артишоки? Что тут происходит?

Весли. Отец. Он их привез из пустыни.

Элла. Какой пустыни?

Весли. Местечко «Хот спрингз».

Элла. А-а-а. Видать, ездил взглянуть на свой жалкий клочок земли. *(Ставит пакет с продуктами на плиту. Затем начинает выбрасывать артишоки из холодильника на пол.)*

Весли. Ты что делаешь?

Элла. Выбрасываю их вон. Просто анекдот. Покупать артишоки, когда дома — нечего есть.

Весли. Откуда ты знаешь о его участке в пустыне?

Элла. Знаю, и все тут.

Весли. Он тебе говорил? Мне он никогда не говорил о нем.

Элла. Так уж случилось, что я узнала, как его ободрали на пятьсот долларов. И давай кончим с этим. Еще одно хитроумное дельце.

Весли. Тейлор.

Элла *(поворачиваясь к Весли)*. Что?

Весли. Тейлор продал ему участок, так?

Элла. Не смейся. *(Поворачивается к холодильнику.)*

Весли. Как еще ты могла узнать?

Элла. Он ведь не единственный человек на свете, кто занимается недвижимостью.

Весли. Он месяцами шнырял, вынюхивал в нашей округе.

Элла. Шнырял? Он не шныряет. Он всегда является с парадного входа. Он настоящий джентльмен.

Весли. Он настоящая змея.

Элла. Ты просто завидуешь ему, вот и все.

Весли. Не пори хреновину. Разве это не он был тогда, а? Помню видел его, как он шатался здесь с кейсом по участкам.

Элла. Он перепродает недвижимость. Это его работа. В наши дни, в наш век очень важно знать человека, который может точно оценить стоимость земли. Предсказать ее на будущее. *(Перекладывает продукты из пакета в холодильник.)*

Весли. А чем он все-таки, если поточнее, занимается? Ты говорила, он юрист.

Элла. Я не лезу в его личные дела.

Весли. Не лезешь, гм-гм?

Элла. Почему ты вдруг стал таким желчным?

Весли. Совсем не вдруг.

Элла. Я думала, ты был бы страшно рад уехать отсюда. Отправиться в путешествие. Повидать другие страны.

Весли. Никуда я не поеду.

Элла. Нет, поедешь. Мы все едем. Я заключила сделку. Нужна еще одна, последняя моя подпись, и все будет кончено. Все битые-мятые автомашины, проржавевшие тракторы, гнилые фрукты, бешеная лошадь, безмозглые овцы, куры — все это дерьмо. Вся распрекрасная коллекция. Кончено с этим.

Весли. И потом ты свободна, так?

Элла. Вот именно.

Весли. Ты уезжаешь с ним?

Элла. Жаль, что у тебя одна грязь на уме. Я сама себе хозяйка.

Весли. Где ты достала продукты?

Элла. Достала.

Весли *(после паузы)*. Знаешь, ты здорово опоздала. Ты все вокруг да около, а поезд ушел.

Элла *(захлопывает холодильник, поворачивается к Весли)*. Что это значит?

Весли. Отец уже продал ферму.

Элла. Ты спятил! Он и шнурка от ботинок не сумеет продать! Посмотри на него! Посмотри на него, ишь, разлегся! Разве он похож на человека, который может продать что-нибудь стоящее, вроде участка земли? Разве так, по-твоему, выглядит деловитость? Взгляни на него. Ничтожество...

Весли. На твоём месте я не стал бы его будить.

Элла. Теперь он мне ничего не сделает! Меня есть кому защитить. Если он меня хоть пальцем тронет, его исполосуют на ленточки. С ним кончено!

Весли. Он нокаутировал тебя и даже не подозревает об этом.

Элла. Не говори глупостей! И убери этот мусор отсюда! Надоело смотреть на сломанные двери каждый раз, как приходишь домой.

Весли. Это новая дверь.

Элла. Вон ее, вон отсюда.

Весли *(тихо)*. Говорю тебе, лучше не будить его.

Элла. Не собираюсь ходить на цыпочках. Все, больше не чувствую себя чужаком в своем собственном доме. Больше его не боюсь.

Весли. А зря! Знаешь, он собирается убить Тейлора.

Элла. Он всегда собирается кого-нибудь убить. Каждый день он собирается убить кого-то.

Весли. На этот раз — не слова. Ему нечего терять.

Элла. Это уж точно!

Весли. Он собирается убить тебя тоже.

Элла молчит некоторое время. Они смотрят друг на друга.

Элла. Знаешь, что это такое? Это проклятье. Я чувствую его. Его не видно, но оно здесь. Оно всегда здесь. Оно настигает нас, как ночная тьма. Каждый день я чувствую его. Каждый день я вижу, как оно надвигается. И оно всегда приходит. Повторяется. Приходит даже, когда ты делаешь все, чтобы оно не пришло. Даже когда ты пытаешься изменить его. И оно уходит в прошлое. Вглубь. Все глубже и глубже в наши крохотные клетки и гены. В атомы. В мельчайшие плавающие частицы, принимающие решения помимо нашей воли. Заговор в чреве роженицы. Даже еще раньше. В воздухе. Мы окружены им повсюду. Оно, проклятье, важнее, чем само правительство. Оно проникает и в будущее. Мы распространяем его. Мы передаем его друг другу. Мы получаем его по наследству и передаем следующим поколениям, потом снова следующим поколениям. И так продолжается без конца, хотим мы этого или нет.

Эллис, владелец бара «Алиби клуб», входит справа, широко улыбаясь. На нем блестящая желтая рубашка с растегнутым воротом. На шее — золотой крест на цепочке. Он плотного телосложения, руки в татуировках. Штаны в обтяжку, начищенные ботинки, много колец. Он всматривается и замечает Вестона, лежащего на столе.

Эллис. Немножко перебрал коктейлей, а? Я говорил ему, не налегай, да это все равно, что пукать против ветра. *(Смеется.)* Вы, должно быть, жена и детки. Звать Эллис. Хозяин «Алиби клуб», что в городе. Наверное, знаете, а?

Никакой реакции со стороны Эллы и Весли.

Ну, старик-то знает, это уж точно. Бывает там почти что каждый вечер. Постоянный клиент. Все думаю, где ж он спит. Чем это воняет здесь?

Весли. Артишоки.

Эллис. Артишоки, гм? А как выдержанная моча. *(Взрывается хохотом.)* Никогда не любил овощи. Я больше по бифштексам. «Мясо и кровь» — вот мой девиз. Сохраняет твою кость крепкой, как слоновый бивень.

Элла. Возможно, я прошу от вас слишком многого, а именно — стучать, когда нет двери, чтобы постучаться, но что за привычка разгуливать по чужим домам, как будто они ваша собственность?

Эллис. Это, действительно, моя собственность. *(Пауза.)* Так оно и есть. Подписано, заверено, доставлено. Наличные у меня. *(Достает из-за пояса две толстые пачки купюр и помахивает ими в воздухе.)* Пятнадцать сотен в твердой монете, то бишь зелененьких.

Весли. Полторы тысячи долларов! *(Смотрит на Эллу.)*

Эллис. Столько он задолжал. На этой цене мы и сошлись. Слушай, парень, я мог бы вообще не являться сюда с этими деньгами. Старик твой такой обалдуй, отписал мне все. Хотя я и цента не выложил на прилавок. Мог бы запросто его нагреть. Повезло ему, я человек чести. Элла *(к Весли)*. Выгони его отсюда.

Эллис *(хладнокровно к Весли)*. Я бы не стал даже пробовать, мальчик.

Эллис и Весли смотрят в упор друг на друга.

(Улыбается.) Я переломал в свое время не один хребет, дружище. Я не жесток, но силен, как буйвол, и не признаю собственную силу. Ужасно, когда что-нибудь такое случается. Понимаешь? И ахнуть не успеешь, как кого-то повредил. Кто-то уже там валяется.

Элла. Вы шутите! Нельзя купить участок земли у алкоголика! Он не отвечает за свои поступки!

Эллис. Он владеет землей, разве нет?

Элла. Я ей владею.

Эллис. Он мне говорил другое.

Элла. Земля моя, и она уже продана, так что давай убирайся к черту!

Эллис. Так, документы у меня вот здесь. Вот они. Подписано, заверено, доставлено. Что на это скажете?

Элла. Это незаконно!

Весли. Кому он должен деньги?

Эллис. Ну, знаешь, я не сую нос куда не следует. Случайно узнал, что он за-

должал каким-то очень крутым парням.
Весли. Пятнадцать сотен долларов?
Эллис. Примерно такую сумму.
Элла. Разбуди его! Надо докопаться до сути.
Весли (к Элле). С ума сошла? Увидит тебя здесь — прихлопнет.
Элла (подходит к Вестону, расталкивает его). Нет, я его разбужу!
Весли. О, господи!
Элла (яростно тормошит Вестона). Вестон! Вестон, вставай! Вестон!
Эллис. Видел в своей жизни тяжелые случаи, но с этим все кончено. Это уж точно. Хлещет, как канадец. До беспмятства.
Весли. Крутые парни, говорите? За что он должен им деньги?
Эллис. Слушай, друг, он занимает всю дорогу. Дурак, живет в кредит. Да на что угодно занимает. На выплаты за машину. На участок в пустыне. У него вечно какие-то дурацкие затеи. На этот раз все зашло слишком далеко, вот и все.
Весли. Что они с ним сделают?
Эллис. Теперь ничего. Я спас его шкуру. Ноги тебе нужно мне целовать.
Элла. Вестон! Вставай!
Весли. Они убили бы его за пятнадцать сотен?
Эллис. Кто сказал про убийство? Я, что ли, сказал про убийство?
Весли. Нет.
Эллис. Тогда не спеши с выводами. Так и до беды недолго.
Весли. Может, лучше вам отдать деньги прямо им.
Эллис. Знаешь, я сделал полдела, остальное пусть делает сам. Я не нанимался к нему в телохранители.
Весли. А что, если он даст дёру с этими деньгами?
Эллис. Это его проблема.
Весли. Дайте их мне.
Эллис. Что дать?
Весли. Деньги. Я отнесу.
Элла (оставляя Вестона в покое). Весли, не притрагивайся к этим деньгам! На них грязь! Не смей их трогать!

Эллис и Весли смотрят друг на друга.
Весли. У вас документы. Я его старший сын.

Элла. Ты его единственный сын!
Весли. Дайте их мне. Я распоряжусь, как надо.
Эллис (передавая деньги Весли). Ладно, приятель. Смотри только не спусти с полувзвода. Тут полно мелочи на мороженое для малыша.

Весли берет деньги.

Элла. Весли, все это незаконно! Ты станешь соучастником!
Весли (к Эллису). Где я их найду?
Эллис. Это твое дело, приятель. Я лишь покупатель.

Элла ходит по кухне, как бы осматривая ее. Подходит к Весли в то время, когда тот пересчитывает деньги.

Элла. Весли, дай мне эти деньги. Они не твои! Дай их сюда!
Весли (бросая холодный взгляд на нее). Здесь не хватит, чтобы доехать до Европы, мам.
Эллис. Думаю устроить тут ресторан, продавать бифштексы. Как вы считаете? Соорудить милый маленький ресторанчик с бифштексами, ну как?
Весли (продолжая считать деньги). Правильно.
Эллис. Люди свернут с шоссе, закажут по бифштексу, пропустят по мартини или послеобеденному коктейлю, полюбуются видом на долину. Все мило и спокойно. Можно даже разбить японский садик перед домом. Пустить золотых рыбок. А вон там может быть лужайка для гольфа. Большое будущее у этого места.
Элла. Весли!
Справа появляется Тейлор с «дипломатом». Элла поворачивается, видит его. Весли продолжает считать деньги.

Тейлор. О-о. Виноват. Не думал, что у вас гости. (К Элле). Я подготовил окончательный вариант договора. (Направляется к столу, видит Вестона, останавливается, смотрит, куда бы положить «дипломат».)
Элла (к Тейлору). Уже поздно.
Тейлор. Простите? Что поздно?
Элла. Все. Вестон продал ферму.
Тейлор. Это нелепо. Окончательный проект договора вот здесь, в моем портфеле. Единственное, что необходимо — это ваша подпись.

Эллис. Кто этот тип?

Элла (к Тейлору). Он продал за полторы тысячи долларов.

Тейлор (смеется). Это невероятно.

Элла. Вон они! У Весли в руках! Весли берет их!

Тейлор. Он не может продавать собственность. Он неспособен. Мы уже обсуждали это.

Эллис (подходя к Тейлору). Эй, послушай, приятель. Не знаю, что у тебя за история, но хочу посоветовать, убирайся-ка ты к... бабушке отсюда, потому как это моя сделка. Понял? Хоть и маленький, но мой кусок.

Тейлор (к Элле). Кто это?

Элла. Он покупатель.

Весли (Тейлору). Медленно жмешь на курок, Тейлор. Выхватили прямо из-под носа, а?

Тейлор. Значит, надо просто подать в суд. У него нет никаких юридических прав. По закону он находится под опекой государства. Он не может продавать землю.

Эллис (помахивая документом). Я справился насчет этой сделки в муниципалитете, говорят, все высший класс.

Тейлор. Купчая не имеет никакого отношения к этому. Я говорю о психической дееспособности.

Весли. А она распространяется на куплю так же, как и на продажу?

Тейлор (Элле). О чем он говорит?

Элла. Да ни о чем. Весли, верни деньги!

Весли. Распространяется ли эта психическая недееспособность на приобретение пустыря посредине пустыни, без воды и за сотни миль от ближайшей бензоколонки?

Тейлор (Весли). Мне кажется, вы пытаетесь отвлечь нас от главного в этой ситуации. Дело в том, что ваш отец психически и эмоционально неспособен отвечать за свои действия и вследствие этого всякие исходящие от него юридические соглашения не могут считаться действительными. Это можно легко доказать в суде. У нас имеются доказательства из первых рук, что он подвержен приступам ярости. У него отобраны права на вождение автомашины. Однако он продолжает ездить. Его не обслуживают страховые компании. Он не в состоянии удержаться ни на одной

работе. Девяносто процентов времени он проводит вне дома. У него есть судимость с тюремным заключением. Это ясный случай, тут не о чем говорить.

Эллис (к Тейлору). Кто ты есть в конце концов? Юрист или кто? Болтать так в моем доме! Где сядешь, там и слезешь!

Элла. Это не ваш дом! Вот о чем он вам толкует! Вы что, оглохли? Совсем мозгов в голове нет?

Эллис. Послушай, леди, я торгую спиртным. Знаешь, что это значит? В моем баре случается масса странных вещей, но такого странного типа я вижу впервые. При том у меня никогда не происходит ничего, с чем я не мог бы управиться.

Весли. А вы, Тейлор, лучше убирайтесь-ка отсюда, пока вами не занялись.

Тейлор. Я впредь отказываюсь быть объектом запугиваний! Я поставил свою репутацию под угрозу, чтобы реализовать эту сделку, а что в ответ? Сопротивление!

Элла. Я не сопротивляюсь.

Тейлор (к Весли). Вам может не прийти это в голову, но за мной стоят корпорации! Исполнительные директораты! Люди с влиянием. Люди с амбицией, понимающие всю важность вклада капитала в наше будущее. В строительство страны, а не в ее разорение. Вы, уважаемые, ведете себя так, будто весь мир вращается вокруг вашего ничтожного, жалкого существования. Будто все вокруг затаило дыхание, ожидая, когда вы в следующий раз пошевелите пальцем. Увы, это не так. Никто не ждет! Все движется вперед. Все движется напрямую без вас! Колеса крутятся. И вы ничего не можете поделать, чтобы повернуть их вспять. Единственное, что вам остается — это сотрудничать. Играть в нашу игру. Стать частью нас самих. Вносить вклад в будущее этой великой страны. В противном случае вас всех оставят позади. Никто вам не поможет. И ничто вас не спасет. Ничто и никто.

Справа появляется полицейский в форме дорожного патруля.

Сержант Малколм. Гм, извините. Миссис Тейт?

Элла. Да.

Малколм. Вы миссис Тейт?

Элла. Да, это я.

Малколм. Извините. Я бы постучался, но нет двери.

Элла. Ничего страшного.

Тейлор начинает нервными шажками продвигаться по сцене налево. Весли наблюдает за ним.

Малколм. Сержант Малколм. Шоссе́йный патруль.

Элла. Ну да, а что такое?

Малколм. У вас есть дочь Эмма Тейт?

Элла. Есть. Что случилось?

Малколм. Она задержана.

Элла. За что?

Малколм. Похоже, она въехала верхом на лошади в бар в центре города и изрешетила все заведение из ружья.

Элла. Что?

Эллис. Какой бар?

Малколм. Местечко под названием «Алиби клуб». Меня там в это время не было, но ее забрали.

Эллис. Это мой клуб!

Малколм (Эллису). Вы владелец?

Эллис. Да, это мой клуб!

Малколм. Вы... мистер Эллис?

Эллис. Что, каков ущерб?

Малколм. Ну, нам предстоит еще произвести оценку, но дело довольно серьезное. Продырявила все вокруг. Счастье, что никого там в это время не оказалось.

Эллис (Весли). Верни мне деньги! (*Выхватывает деньги из рук Весли.*)

Тейлор выскальзывает со сцены налево.

Весли (полицейскому). Эй! Он удирает! Этот тип — мошенник!

Малколм. Какой тип?

Весли. Вон тот тип! Тот, что только что выбежал отсюда! Он аферист! Махинатор! Как хотите, так называйте. Он надул моего отца, продал ему бросовую землю!

Малколм. Это не входит в мои обязанности.

Эллис (Элле). Я знаю, это он послал ее туда. Небось не вчера родился! Совсем спятил, если думает, что может вот так вот надавить на меня! Да кем он себя вообразил? Я засужу его как пить дать! Спущу с него последние портки! Хотел сделать ему одолжение! Подставлял ради него свою холку. Когда он продерет глаза, скажи ему, пусть ждет таких неприятностей, какие ему и не снились. Такое ему еще не

мерещилось! Передай ему. (*Собирается уходить.*) И запомни, я хозяин этой фермы. Все мое! Так что не валяйте больше дурака. У меня тоже есть друзья там, наверху. Я имею дело с ними напрямую каждый день. Разве не так, сержант?

Малколм. Ничего не могу сказать по этому поводу. Я здесь по другому делу.

Эллис (Элле). Ты передай ему! Я покажу ему, как водить меня за нос. (*Выходит направо.*)

Элла (полицейскому). Он уносит наши деньги!

Малколм. Послушайте, мадам, ваша дочь в тюрьме. Я ничего не знаю о ваших прочих делах. Я здесь по поводу вашей дочери.

Весли выбегает направо. Элла кричит ему вслед.

Элла. Весли! Куда ты!

Голос Весли. Хочу вернуть деньги!

Элла. Это не твои деньги! Вернись! Весли! (*Останавливается, смотрит на Малколма.*) Все бегут прочь. Даже мистер Тейлор. Слышали, как он говорил со мной? Он говорил со мной совсем по-другому. Совсем не так, как раньше. Он не был любезен, ничуть.

Малколм. Миссис Тейт, что мы будем делать с вашей дочерью?

Элла. Не знаю. Что надо делать?

Малколм. Видите ли, ей придется провести ночь в тюрьме, и если вы не хотите, чтобы она вернулась домой, дело можно передать в суд для несовершеннолетних.

Элла. Мы все так или иначе уезжаем отсюда. Каждый из нас должен уехать. Ей нельзя возвращаться домой. Здесь никого не будет.

Малколм. Тогда вам придется подписать заявление.

Элла. Какое заявление?

Малколм. Разрешающее привлечь ее к суду.

Элла. Хорошо.

Малколм. Вам придется поехать со мной, если у вас нет машины.

Элла. У меня есть. (*Пауза.*) Все сбежали.

Малколм. Как вы тут одна, справитесь?

Элла. Я одна.

Малколм. Да, знаю. Вы как, ничего, или поедете со мной в патрульной машине?

Элла. Ничего.

Малколм. Тогда жду вас в участке.
(Уходит.)

Элла (сама себе). Все сбежали.

Вестон рывком садится на столе. Элла отскакивает. Мгновение смотрят друг на друга. Затем Элла убегает со сцены. Вестон

стон продолжает сидеть на столе. Оглядывается вокруг. Слезает со стола, пытается удержаться на ногах. Идет к холодильнику, отбрасывая ногой попадающиеся на пути артишоки. Открывает холодильник и заглядывает внутрь.

Свет постепенно гаснет. Вестон стоит, уставившись в открытый холодильник.

Действие третье

Декорации те же. Со сцены убраны доски, инструменты, артишоки. В центре сцены снова оборудован загон, в нем овца. На плите варится свежий кофе. Вестон у стола складывает чистое бельё в аккуратные стопки. На нем чистая рубашка, новые брюки, начищенные туфли. Свежевыбрит. Выглядит трезвым и в хорошем настроении. Слышно, как блеет овца.

Вестон (к овце). Знаешь, бывают неприятности похуже, чем глисты. Намного хуже. Глисты исчезнут, если их правильно лечить. Если есть, кому ими заняться. Кто сможет распознать приметы. Кто принесет тебя с холода, из сырости пастбища в такой вот уют. Ни одна овца еще так не жила, как ты. Тепло. Ни сквозняка тебе — зря, что ли, поставил новую дверь. Ни лис. Ни койотов. Ни орлов? Ни... Рассказать тебе кое-что про орлов? Это — суцая правда. Вот как это взаправду было. Как-то пошел я на пастбище кастрировать, дело, которым надо кому-то заниматься. Не скажу, что это моя любимая работа, просто кому-то надо это делать. Устроился я, значит, там прямо под навесом. Такой, знаешь, маленький шалаш с навесом. Устроился со своим лучшим ножом, котелком кипятка и раскаленной железякой, чтобы прижигать. Вообще говоря, кровавая работенка. Ну вот, значит, мне нужно было обработать в тот раз, наверное, с дюжину весеннего молодняка. Загнал я их подальше от овец в такой вот загон, как твой. За такой вот заборчик. Утро было ясное, холодное. Воздух такой прозрачный, что пастбище было видно докуда хватает глаз. Иней еще лежал на стеблях там, где поближе к земле. Может, пара ворон, да овец, охаживающих своих яг-

нят — а больше ни звука. Ну вот, работаю я там, как вдруг чувствую: раз! — накрывает меня какая-то тень. Почувствовал раньше, чем увидел ее на земле.

Так порой чувствуешь тучи, когда они перекрывают солнце. Тень огромная, черная, холодная. Только я взглянул вверх, не зная, чего ожидать, как мне чуть не вцепился в глаза — кто бы ты думала? — огромный орел. Сам-то я бывший летчик и знаком с воздушной акробатикой, но этот подлец вытворял такой высший пилотаж — ну, чисто самоубийца. Пикирует, будто идет на посадку или вроде того, а потом вдруг передумает — и раз! — снова ввысь и пошел чесать прочь от меня. А я погляжу-погляжу на него, пока он совсем не превратится в точку — и снова за дело. Обработаю еще пару баранов — и повторится то же самое. Только на этот раз он пикирует еще ниже. Так низко, что я почти чувствую, как его перья щекочут мне спину. Ясно слышу, как он летит. Огромная птица. Его крылья издают какой-то хрустящий треск. И снова ввысь. На этот раз я наблюдал за ним дольше, хотел разгадать, что он задумал. Потом смекнул, в чем дело. Он охотился за тем, что я отсекал. За этими свежими останками бараньей мужественности. Тогда я решил удружить ему и кинул пару-другую на крышу. Потом опять вернулся к своим делам, притворяясь, что очень занят. Но теперь я стал его ждать. Я напряженно прислушивался, зная, что он нагрянет сзади. Я следил, не мелькнет ли на земле черная тень. Вот уже три барана готовы, а все ничего. И вдруг, как гром среди ясного неба — явился! Бам!!! Он обрушивается на навес, сдирает когтями половину рубероида, взбивает крыльями воз-

дух и орет, как кобыла на случке. Затем взмывает опять в небо. Тут-то уж я вскочил на ноги. Что-то словно подбросило меня с земли, и я заорал во всю глотку. Не знаю, что вдруг на меня такое нашло, но я стоял, холодные мурашки ползли у меня по спине, и я просто кричал, кричал... Воздавал честь этому орлу. Не испытывал ничего подобного с того самого дня, когда впервые поднял в воздух «Б-49». Спустя пару минут я сел и опять принялся за дело. И каждый раз, обрабатывая барана, я бросал отсеченное на крышу. И каждый раз он кидался вниз, как истребитель. И каждый раз меня охватывало это странное чувство...

В е с л и появляется справа, лицо и руки у него в крови.

В е с л и. И что потом?

В е с т о н. Ты слушал меня?

В е с л и. Что случилось потом?

В е с т о н. Я рассказывал об этом овце!

В е с л и. Расскажи мне.

В е с т о н. Ты уже все слышал. А что у тебя с лицом?

В е с л и. Налетел на кирпичную стену.

В е с т о н. Пошел бы умылся.

В е с л и. Что произошло дальше?

В е с т о н. Не стану я второй раз об одном и том же.

В е с л и. Тогда не стану умываться.

В е с т о н. Что с тобой все же стряслось?

Ты что, хлебнул что ли?

В е с л и. Хотел вернуть твои деньги.

В е с т о н. Какие деньги?

В е с л и. Которые у Эллиса.

В е с т о н. Вот подонок. Не трать на него время. Он подонок и мошенник.

В е с л и. Он улизнул с твоими денежками. Да еще взял наш дом впридачу.

В е с т о н. Это мой дом! Я решил здесь остаться.

В е с л и. Что?

В е с т о н. Я остаюсь. Я вставил новую дверь. Заметил?

В е с л и. Нет.

В е с т о н. А мог бы заметить. Ты же вошел через нее. Что это с тобой? Я приведу здесь все в порядок. Я так решил.

В е с л и. Приведешь в порядок?

В е с т о н. Ну да. Я же говорю. А что тут такого особенного. Эта ферма могла бы стать роскошным местечком, если бы кто-

нибудь этим по-настоящему занялся. Слушай, глотни-ка кофе и сполоснись. Ты выглядишь, как после сорока миль по ухабам. Свежий кофе на плите.

В е с л и медленно идет к плите, смотрит на кофейник.

Я встал и обошел все хозяйство. Года два, наверное, не обходил всю ферму. Я шел и что-то странное стало происходить со мной. **В е с л и** (смотрит на кофейник). Что?

В е с т о н. Я начал думать, кто это бродит по саду в полседьмого утра. Как будто вовсе не я. Какой-то тип в темном пальто, теннисных тапочках и бейсбольной кепке. Все лицо в щетине. Хозяин такого милого местечка должен бы выглядеть иначе. Тогда я начал гадать, кто же он, хозяин. То есть, если я не чувствую себя хозяином, то кто же хозяин? Я подумал: а что, если настоящий хозяин вдруг выскочит откуда ни возьмись и вышибет мне мозги за то, что я вторгся в его собственность. Я вдруг почувствовал, будто надо куда-то бежать или прятаться, или еще что. Вроде как мне нельзя находиться в таком приличном месте. Не то чтобы в очень роскошном или вроде того, а в таком вот умиротворенном, спокойном. Здесь воистину спокойно. Особенно в эти утренние часы. И вдруг меня как ударит: да я же и есть хозяин. Как ни крути, я он самый и есть и это в самом деле я гуляю по моей собственной земле. И тут на меня нахлынуло такое...

В е с л и (глядя на кофейник). Неужели?

В е с т о н. Да. И я вернулся сюда, и первым делом снял всю свою старую одежду, и походил голышом. Просто прошелся по этому чертову дому в чем мать родила. Хотел почувствовать, что это действительно я в моем собственном доме. Вроде как содрал с себя шкуру другого человека. Совсем незнакомого. Потом пошел и сделал себе горячую ванну. Такую горячую, какую только мог терпеть. Залег в нее и впитывал жар всеми порами. Лежал, пока не запотели все окна и зеркало на шкафчике. Потом спустил воду и снова наполнил ванну доверху, но на этот раз ледяной водой. Просто сел в нее и ждал, пока мурашки не проберут меня до самых костей. Потом вылез, побрился и надел все чистое. Потом пришел сюда и приготовил

себе, как бывало, большой завтрак, яичницу с ветчиной.

Весли. Яичницу с ветчиной?

Вестон. Ну, да. Кто-то оставил в холодильнике полно еды. Я обомлел от радости. Подарок, как на Рождество. Будто кто-то знал, что я заново появлюсь сегодня на свет или что-то в этом роде. Глазам своим не поверил.

Весли идет к холодильнику и заглядывает в него.

Потом я стал варить кофе и вдруг понял, что занят тем, чем всегда раньше занимался. Словно вернулся к привычной жизни после долгого отсутствия.

Весли (смотрит внутрь холодильника). Мать принесла все это.

Вестон. Потом я затеял стирку. Большую стирку. Я заглянул во все углы и собрал все грязное белье, какое только мог найти: Эммы, Эллы и даже твое. Несколько пар твоих носков. Нашел все наши тряпки. И каждый раз, нагибаясь, чтобы поднять чью-то вещь, я ощущал, будто этот человек находится здесь, в комнате. Будто одежда все еще на том, кому она принадлежит. И я чувствовал, будто знаю каждого из вас. Каждого в отдельности. Будто постиг вас через плоть и кровь. Словно наши тела срослись и нам никуда не деться друг от друга. Но мне и не хотелось одиночества. Я чувствовал, как правильно все устроено. Правильно, что в жилах у нас одна кровь. Ведь семья — это не только ячейка мира людей. Это ячейка всего живого мира. Сама природа пожелала свести нас воедино под одной крышей. Не то, чтобы нам приказали быть вместе, но таково было ее, природы, предназначение.

Весли (смотрит в холодильник). Умираю, есть хочу.

Вестон (идет к Весли). Знаешь, пойдика ты прими ванну, смой с себя все это дерьмо, а я пожарю тебе яичницу с ветчиной. Что это у тебя все-таки на лице?

Весли. Кровь.

Вестон. Он что, заехал тебе пару раз, да? Иди сполоснись и мигом обратно. Давай!

Весли (поворачиваясь к Вестону). Знаешь, он-таки не вернул мне деньги.

Вестон. Ну и что. У этого парня пусто-

вато в головушке. Господь курице дал больше мозгов, чем ему. А теперь иди помойся, пока я тебе не наподдал как следует.

Весли выходит. Вестон достает ветчину и яйца из холодильника и начинает готовить на плите завтрак.

Вестон (кричит за сцену). Я тут подумал о том фруктовом дельце, ну о чем ты толковал на днях! Ну, насчет того, чтобы вступить в эту фермерскую Ассоциацию Калифорнии и все такое. И я подумал, а, может, это не такая уж плохая мысль в конце концов! Знаешь, нам не обязательно нанимать этих чиканос и вообще кого-то еще! Мы могли бы сами собирать урожай и продавать компании напрямую! Ну, как моя идея? Сэкономим на посредниках! Наш трактор все еще на ходу, так? Хочу сказать, двигатель еще не заклинило, ничего такого, и давление воды для поливки лучше некуда! Я проверил сегодня утром! Вода так и бьет фонтаном из труб! Не так уж трудно будет запустить все наше дело опять на полную катушку! Я перепродам тот участок на пустыре! Будет капиталец, с чего начать! Кому-то где-то когда-то понадобится хороший кусок земли в пустыне! Он отлично расположен, хотя и не освоен! Всего в трех часах езды от Палм-Спрингз, а ты знаешь, что это значит! Знаешь, что за люди ездят в такие места! У одного из них должны оказаться лишние деньги.

Справа входит Элла. Она выглядит измученной, усталой. Останавливается и смотрит на Вестона, который продолжает жарить яичницу. Затем переводит взгляд на овцу. Вестон знает, что она здесь, но не поднимает на нее глаз.

Элла (после паузы). Что это овца здесь опять делает?

Вестон. Я поднял ее на ноги. Она закоченела, и я устроил ее здесь на время. Не ожидал, что она выживет. Глисты ушли в тонкие кишки.

Элла (идет к столу). Пожалуйста, без подробностей. (Снимает белые перчатки и устало опускается на стул. Смотрит на стопки чистого белья.)

Вестон (продолжая готовить). Где, кстати говоря, ты была?

Элла. В тюрьме.

Вестон. О-о, они наконец посадили тебя, ха-ха? *(Смеется.)*

Элла. Очень смешно.

Вестон. Хочешь позавтракать? Я как раз готовлю здесь кое-что для Весли.

Элла. Ты готовишь?

Вестон. Да. А что, разве непохоже?

Элла. Кто выстирал все белье?

Вестон. С уважением, искренне ваш...

Элла. У тебя что, нервный шок или как?

Вестон. Разве мужчине нельзя постирать собственное белье?

Элла. Насколько мне известно, можно.

Вестон. Даже простирнул кое-что твое.

Элла. Да что ты, ну, спасибо.

Вестон. Просто не имело смысла оставлять. Заложил в машину охапку своего, ну, думаю, дай-ка брошу и ваше впридачу.

Элла. Очень благодарна.

Вестон. Так где же ты была? С этим шикарным адвокатом?

Элла. Сказала же, была в тюрьме.

Вестон. Да ладно тебе... Что, с визитом? Они что, посадили тебя в вытрезвитель? Кончай трепаться.

Элла. Я навещала твою дочь.

Вестон. Ну да? Что они ей пришили?

Элла. Обладание огнестрельным оружием. Злостное хулиганство. Взлом и проникновение. Оскорбление действием. Нарушение правил верховой езды. Что угодно!

Вестон. Ну, она у нас всегда была вроде шаровой молнии.

Элла. Получила это в наследство, так что ли?

Вестон. Верно. Потомок по прямой линии.

Элла. Рада, что ты нашел способ превратить позор в источник гордости.

Вестон. А чего в этом позорного? Нужно обладать немалым мужеством, чтобы тебя обвинили во всех этих грехах. Не у каждого в ее возрасте такой послушной список.

Элла. Это уж точно.

Вестон. А ты бы смогла?

Элла. Не говори глупостей! Я не из тех, кто сам себя гробит. В моей семье такого не водилось.

Вестон. Верно. Никогда об этом не думал. Ты единственная, у кого этого нет. Только у нас.

Элла. А-а, теперь я еще и чужаком стала.

Вестон. Так оно и есть. Ты приходишь из другого класса людей. Знать. Артисты. Они же у тебя были артисты, разве нет?

Элла. Мой дедушка был фармацевт.

Вестон. Ученые, значит. Члены профессионального клана. Профессионалы. Никто не повышал голоса.

Элла. Это плохо?

Вестон. Нет. Просто по-другому. Вот и все. Просто по-другому.

Элла. Нас что, потянуло пофилософствовать под яичницу? Мы, кажется, протрезвели за ночь? Проснулись, и тут совершенно новая жизнь? Что за хреновина! Я провела всю ночь, пытаюсь привести Эмму в чувство, а вернулась к мистеру Философу? К самому мистеру Добряку! Ну, вот что, дорогой, слушай сам свою дребедень, меня на это не купишь!

Вестон. Хочешь кофе?

Элла. Нет, провались ты со своим кофе! И убери эту ублюдочную овцу из моей кухни!!!

Вестон *(сохраняя спокойствие)*. Нахваталась выражений, ничего себе, да вот только что-то с интонацией подкачало.

Элла. С интонацией у меня полный порядок!

Вестон. Какая-то в ней проскальзывает фальшь, где-то в глубине голоса. В самой основе твоего существа.

Элла. О-о, ну, ты действительно нечто. И еще смеешь обвинять меня в том, будто я не дотягиваю до твоего уровня! Посмотри на себя, ты же кругом неудачник.

Вестон. Это не имеет никакого отношения к моему уровню. Это больше похоже на судьбу.

Элла. О, прекрати, прошу тебя. У меня нет никаких сил.

Вестон. Попробуй на столе. Хорошо, жестко. Творит с тобой чудеса.

Элла *(неожиданно смягчаясь)*. На столе?

Вестон. Просто растянись на столе. Не поверишь. Лучше, чем в любой кровати.

Элла смотрит на стол секунду, затем начинает сбрасывать чистое белье на пол. Залезает на стол и растягивается плашмя. Вестон продолжает готовить, стоя к ней спиной. Она лежа наблюдает за ним.

И когда проснешься, тебя будет уже ждать роскошный завтрак — яичница с ветчиной. И ты почувствуешь себя на миллион долларов. Будешь удивляться, как это спала столько лет в кровати, когда можно было на столе. Этот стол излечит тебя.

Весли появляется на сцене слева, абсолютно голый с мокрыми волосами. Он выглядит потрясенным. Вестон, не обращая внимания, продолжает готовить завтрак и разговаривать. Весли бредет по сцене, смотрит на Элли. Она смотрит на него, но никак не реагирует. Он поворачивается к Вестону и смотрит на него. Смотрит на овцу и направляется к ней. Наклоняется, берет ее на руки, затем выносит со сцены направо.

Знаешь, слишком много комфорта — вот в чем беда. Заставляет тебя забыть, из каких кругов ты вышел. Теряешь чувство реальности. Тебе кажется, ты добиваешься чего-то в жизни, а на самом деле все время проигрываешь. И отстаешь от других все больше и больше. И впадаешь в транс, из которого никогда не выбраться. Ты как бы загипнотизирован. Твое тело заколдовано. Ты впадаешь в кому. Вот почему время от времени нужен жесткий стол, чтобы привести тебя в чувство. Хороший жесткий стол, чтобы вернуть тебя к жизни.

Элла (сонно). Тебе надо было стать священником.

Вестон. Ты так думаешь?

Элла. Потрясающий у тебя голос. Глубокий. Звучный.

Вестон (кладет яичницу на тарелку). Не гожусь в общественные деятели.

Элла. Я так устала.

Вестон. Поспи немножко.

Элла. Видел бы ты эту тюрьму, Вестон.

Вестон. Я видел.

Элла. А-а, верно. Как ты только мог спать в таком месте?

Вестон. Если как следует захмелеть, то ничего не чувствуешь! (Кричит, обращаясь к Весли за сценой). Вес! Завтрак готов!

Элла. Он только что ушел.

Вестон. Как?

Элла. Он только что ушел. Абсолютно голый, с этой овцой на руках.

Вестон заглядывает в загон, видит, что овцы нет. Все еще держит тарелку.

Вестон. Куда он мог отправиться?

Элла. Наружу.

Вестон (идет направо с тарелкой в руках). Вес! Черт подери, завтрак готов! (Выходит).

Элла (борясь со сном, сама с собой). Больше меня ничто не может удивить. (Постепенно засыпает.)

Некоторое время ничего не происходит.

Затем возвращается Вестон, все еще с тарелкой в руках.

Вестон (идет к плите). Его там нет. Ну, ты подумай. Когда все готово, он уходит. (Поворачиваясь к Элле). Зачем он взял овцу? Эту овцу надо держать в тепле. (Видит, что Элла крепко спит). Прекрасно. (Поворачивается и ставит тарелку на плиту, смотрит на еду). Могу с таким же успехом съесть сам. Двойной завтрак. Почему бы и нет? (Начинает есть.) Нечего ждать, что бедняжка поправится, если не держать ее в тепле. (Оглядывается, смотрит на спящую Элли, затем поворачивается к тарелке с едой). Лучше всего у меня получается, когда беседую сам с собой. Всегда было так — лучше всего. Ни с чем не сравнить. Во всяком случае сам себе компания.

Весли входит справа, одетый в бейсбольную кепку Вестона, его пальто и теннисные тапочки. Останавливается. Вестон смотрит на него.

Что, черт подери, с тобой происходит? Я голос сорвал, звал сейчас тебя. Ты что, не слышал?

Весли (смотрит на Вестона невидящим взглядом). Нет.

Вестон. Твой завтрак был готов. Теперь он остыл. Половину я уже съел. Почти половины нет.

Весли (бесцветным голосом). Можешь съесть целиком.

Вестон. Что это ты делаешь в этом тряпье?

Весли. Я нашел его.

Вестон. Я его выбросил! Что с тобой творится? Идешь, принимаешь ванну, а затем облачаешься в барахло бродяги, на которое он блевал, писал и бог знает что еще?

Весли. Мне оно подходит.

Вестон. Не могу никак раскусить тебя,

это уж точно не могу. Что ты сделал с овцой?

Весли. Зарезал её.

Вестон (*отворачивается от него с чувством отвращения*). Господи, Боже ты мой. (*Пауза, затем поворачивается к Весли*).

За что ты эту безответную тварь зарезал!

Весли. Нам нужно что-то есть.

Вестон. Холодильник набит едой до отказа!

Весли быстро идет к холодильнику, открывает его, достает из него различные продукты и с жадностью их ест. Вестон наблюдает за ним, несколько обеспокоенный его состоянием.

За что ты взял и зарезал ее? Ей стало лучше! (*Наблюдает за Весли*.) Что с тобой, мальчик? Я сделал тебе отличный завтрак. Почему ты не стал есть, а? Что с тобой такое? (*Осторожно пробирается мимо Весли в правую часть сцены*.)

Весли продолжает жевать, отбрасывая куски еды в сторону, выскивая, что бы еще съесть. Поглощая снесь, он негромко урчит.

(*К Весли*). Слушай, я знаю, я не выполнял кое-какие свои обязанности по дому, и тебе приходилось много делать за меня. Но я принес тебе артишоки, так ведь? Разве не принес? Не обязан я был это делать. Я специально за ними ездил. Увидел рекламную вывеску на шоссе и дал крюк в две мили, только чтобы привезти тебе артишоки. (*Пауза, смотрит, как Весли ест, бросает нервный взгляд на Эллу, потом на Весли*). Не может быть, чтобы ты так изголодался. Не так уж у нас плохи дела, черт подери. В свое время доводилось видеть умирающих с голода, нет, у нас дела не так плохи!

Пауза. Весли не реагирует, продолжает с жадностью поглощать еду.

Тебя просто избаловали, вот что! Здесь рай для молодого человека! Есть парни твоего возраста, которые отдали бы что угодно, только бы расти в такой обстановке! У тебя все есть! Все! Возможности буквально смотрят тебе в рот. (*Поворачивается к Элле*). Элла! Элла, проснись!

Элла не реагирует.

(*Поворачивается к Весли*.) Если после всего этого я должен почувствовать себя виноватым — нет, не сработало! Не сработало потому, что я не обязан расплачиваться за прошлое именно сегодня! Не сегодня! Не в такое утро! Все это теперь позади! Слышишь? С прошлым покончено, я родился заново! Теперь я совершенно другой человек! Совсем другой человек.

Весли неожиданно прекращает есть и поворачивается к Вестону.

Весли (*безразлично*). Они собираются убить тебя.

Вестон (*пауза*). Кто собирается убить меня! Что ты такое болтаешь! Никто не станет убивать меня!

Весли. Я не смог отобрать деньги.

Вестон. Какие деньги?

Весли. У Эллиса.

Вестон. Ну и что?

Весли. Ты им должен.

Вестон. Должен кому? Ничего не помню. Со всем этим теперь покончено.

Весли. Нет, не покончено. Все как было. Может, ты и изменился, но все еще в долгу у них.

Вестон. Не могу припомнить. Должно быть, занял на взнос за машину. Не помню.

Весли. Они помнят.

Вестон. Раз так, я им верну. Ничего такого уж ужасного здесь нет.

Весли. Как вернешь? Эллис теперь хозяин дома и всего прочего.

Вестон. Как это он заполучил дом? Это мой дом!

Весли. Ты подписал бумаги.

Вестон. Никогда ничего я не подписывал!

Весли. Ты был пьян.

Вестон. Заткнись!

Весли. Как ты расплатишься с ними?

Вестон (*пауза*). Можно продать тот участок земли.

Весли. Тебя обманули, какая это земля. Тот тип уже удрал в Мексику.

Вестон. Какой тип?

Весли. Тейлор. Юрист. Юрист — мамин дружок.

Вестон (*пауза, смотрит на спящую Эллу, потом опять на Весли*). Тот самый тип?

Весли. Тот самый тип. Ободрал нас всех — и деру.

Вестон. Это нехорошо. Только я встал на совершенно новый путь. Только стал выкарабкиваться наверх.

Весли. Не получится у тебя. Они все продумали.

Вестон. Я уже готов был к совершенно новой жизни. Это несправедливо!

Весли. Они настигли нас, как какая-то ползучая зараза. Мы даже не заметили.

Вестон. Только сколотил совсем новую дверь и прочее. Перестирал все белье. Почистил артишоки. Начал все сначала.

Весли. Тебе лучше бежать.

Вестон. Бежать? Как это бежать? Не могу я бежать!

Весли. Бери «паккард» и уезжай отсюда.

Вестон. Не могу я так вот все бросить.

Весли. Почему?

Вестон. Потому что здесь я обзавелся хозяйством! Осел! Здесь кончилась тропка моих скитаний! Вот здесь вот! Я добрал до этого самого места! Мне некуда дальше идти! Вот и все!

Весли. Отправляйся на «паккарде».

Вестон некоторое время не двигается с места. Оглядывается по сторонам, пытается найти выход из создавшегося положения.

Вестон (после паузы). Теперь я вспомнил. Я тогда увяз в долгах. Увяз в долгах по уши. Понимаешь, всегда рассчитывал на будущее. Я делал ставку на него, на будущее. Рассчитывал, что дела впредь пойдут лучше. Хуже уж некуда, так что я рассчитывал на лучшее. Я понял: поэтому-то все и хотят заставить тебя что-то купить. Покупай холодильники. Покупай машины, дома, участки — вкладывай деньги. Они не были бы такими щедрыми, если бы не знали, что счастье тебе улыбнется. В какой-то момент оно должно улыбнуться. Вот я и вступил в игру. Отчего не занять, если знаешь, что удача придет. Почему бы не приложиться к чужому доллару тут и там. Так или иначе, они все хотят, чтобы ты влез в долги. Банки, автосалоны, строительные фирмы. Все это приводится в движение деньгами-невидимками. Больше не услышишь звона монет. Теперь это лишь шорох пластиковых кредитных карточек, снующих туда-сюда. Все расчеты, деньги — как бы в уме. И вот, если дело обстоит именно так, решил я, то почему бы не воспользоваться этим? Почему бы не

залезть в долги, заняв пару тысяч, если, в сущности, это лишь бесплотные числа. Если это все пластиковая иллюзия, а на самом деле за ней ничего нет — почему бы и не воспользоваться? Так что я просто включился в игру, вот и все. Ударил по мячу.

Весли. Тебе лучше уйти.

Пауза. Вестон смотрит на спящую Эллу.

Вестон. Тот же самый тип, да? Она, должно быть, знала обо всем. Она, должно быть, думала, что я бросил ее. *(Поворачивается и смотрит на Весли.)*

Пауза.

Весли. Ты и бросил.

Вестон. Я просто уходил ненадолго. Время от времени. Не мог больше терпеть все это. Не мог смириться с мыслью, что все остается неизменным. Что каждое утро похоже на предыдущее. Я все искал чего-то там, на стороне. Пытался свести все воедино. Скачки. Не мог понять эти скачки. Вот только родился — а вот уже вырос, сбрасываю бомбы, вот у меня дети, вот угодил за решетку, и вот уже здесь. Почему-то все повернулось против меня. Все повернулось на сто восемьдесят градусов против меня. Я все искал чего-то там, на стороне. А оно было все время здесь, в этом доме.

Весли. Они доберутся до тебя сюда. Теперь они знают, где ты живешь.

Вестон. Куда же мне деться?

Весли. Как насчет Мексики?

Вестон. Мексика? Ну да. Туда ведь все бегут, да? Там полно умельцев сгинуть без следа. Я мог бы поехать туда и затеряться. Исчезнуть. Мог бы начать там совершенно новую жизнь.

Весли. Может быть.

Вестон. Мог бы найти того типа и вернуть свои деньги. Тот тип, что продает участки в пустыне. Как его звать?

Весли. Тейлор.

Вестон. Точно, Тейлор. Он ведь тоже там, а? Я мог бы найти его.

Весли. Может быть.

Вестон (снова смотрит на Эллу). Не могу поверить, что она все знала и все-таки гуляла с ним. Она, должно быть, думала, я помер или еще чего. Она, должно быть, думала, я никогда не вернусь. *(Идет к Элле, затем останавливается, смотрит на Весли.)*

ли, поворачивается и выходит со сцены направо).

Весли продолжает стоять на том же месте. Наклоняется, подбирает с пола остатки еды и очень медленно жует. Смотрит на пустой загон. Входит Эмма, идет к центру сцены, глядя в ту сторону, куда ушел Вестон. Весли медленно жует, как бы в трансе. Элла спит на столе. Эмма держит в руках стэк для верховой езды, похлопывая себя им по ноге.

Эмма. Мексика, а? Да он и дня там не просидит. Они сразу его застукают. Глупо ехать в Мексику. В первую очередь там и будут искать. *(К Весли).* Что ты ешь?
Весли. Еду.

Эмма. С пола-то? Ты кончишь точно, как он. Покатишься вниз.

Весли *(вяло).* Я хочу есть.

Эмма. Ты что, больной? Что это ты надел его одежду? Ты что, теперь глава семьи или кто? Папа Весли?

Весли. Я испробовал его лекарство, но оно не помогло.

Эмма. А у него есть лекарство?

Весли *(говорит скорее с собой, чем с Эммой).* Я попробовал принять горячую ванну. Такую горячую, как только мог вытерпеть. Потом ледяную. Потом ходил по дому голым. Не помогло. Ничего не случилось. Я ждал, чтобы что-нибудь произошло. Вышел на улицу. Весь закоченел и стал искать, что бы надеть. Порылся в мусорной свалке и нашел его одежду.

Эмма. Рылся в помойке?

Весли. С моих рук еще капала овечья кровь. В какую-то секунду я подумал: это моя. Подумал, это я истекаю кровью.

Эмма. Ты отвратителен. Еще больше отвратителен, чем он. А он достаточно отвратен. *(Смотрит на все еще спящую Эллу).* Чем она тут занимается?

Весли. Я стал надевать все, что он носил. Его бейсбольную кепку, его теннисные тапочки, его пальто. И всякий раз, как я надевал его вещь, казалось, я обрастаю его плотью. Я чувствовал: он становится хозяином в моем теле.

Эмма *(подходит к столу, постукивая стэком по ноге).* Что это с ней, она спит или что? *(Хлопает Эллу стэком по бедру).* Вставай!

Весли. Чувствовал, как мое «я» отступа-

ет. Чувствовал, как он входит в меня, а я ухожу. Как смена караула.

Эмма. Ладно, не терзайся зря. Ты сделал в этой жизни все, что мог.

Весли. Я ничего не сделал, ровным счетом ничего.

Эмма. Это я и имела в виду.

Весли. Я вырос здесь, вот и все.

Эмма *(подходит к Весли).* У тебя есть деньги?

Весли начинает рыться в карманах пальто.

Что ты надеешься выудить? Это его пальто.

Весли. Я думал, ты в тюрьме.

Эмма *(возвращаясь к столу).* Была там.

Весли. Ну и что произошло?

Эмма *(берет сумку Эллы, роется в ней).* Я пустила в ход свою изобретательность. Включила свой врожденный криминальный интеллект. *(Выбрасывает содержимое сумки на пол.)*

Весли. Так что ты сделала?

Эмма. Вышла на волю.

Весли. Понимаю, но как?

Эмма. Пара сексуальных намеков сержанту и все. Вот как. Просто. *(Достает из сумки толстую пачку денег и ключи от машины, затем отбрасывает сумку. Поднимает деньги в вытянутой руке.)* Пошла в гангстеры. Только так можно делать деньги в наши дни.

Весли *(смотрит на деньги.)* Где она столько достала?

Эмма. Как ты думаешь, где?

Весли. Возьмешь ее машину?

Эмма. Идеальная работенка. Сам себя нанимаешь. Я о преступниках. Никаких рекомендаций. Никаких дипломов. Никаких начальников. Никаких побочных расходов. Только чистая прибыль, одни сливки с молока.

Весли. Как это так, почему я иду вспять?

Эмма *(идет по направлению к Весли).* Потому, что ты не смотришь вперед. Вот почему. Ты не видишь знамения беды. Учись замечать такие вещи, Вес. Иначе тебе конец. Ты не должен верить людям, когда они смотрят тебе в глаза. Тебе нужно заглянуть им за спину. Увидеть, что там сзади. Что они скрывают. Все скрывают, Вес. Все. Никто не выглядит таким, какой он есть на самом деле.

Весли. А ты какая?

Эмма (*уходя*). Я ушла. Я ушла! Чтобы никогда не вернуться.

Элла неожиданно просыпается, садится на столе.

Элла (*как бы очнувшись от страшного сна*). Эмма!!

Эмма смотрит на нее, затем убегает со сцены. Элла в ужасе смотрит на Весли, не узнавая его.

(*К Весли*). Вестон! Это была кто, Эмма?

Весли. Это я, мам.

Элла (*кричит за сцену*). Эмма!! (*Спрыгивает со стола, ищет пальто*). Надо удерживать ее! Нельзя, чтобы она вот так взяла и убежала! Эта лошадь угробит ее! Где мое пальто? (*К Весли*). Где мое пальто?

Весли. Ты была без пальто.

Элла (*к Весли*). Вестон, беги, останови ее! Она твоя дочь! Она хочет убежать из дома!

Весли. Отпусти ее.

Элла. Не могу я ее отпустить! Я за нее отвечаю.

За сценой раздается сильный взрыв. Вспышка света, затем тишина. Весли и Элла замерли, уставившись в сторону взрыва. Справа входит Эмерсон, маленький человечек в костюме.

Эмерсон (*смеется*). Господи помилуй! Вы слышали что-нибудь подобное? Вот шарахнуло! Господи, ты Боже мой! (*Смеется*).

Весли и Элла смотрят на него.

Старый Слэтер, видать, заложил в нее по самую крышу. За всю свою жизнь ни разу не слышал такого адского трамтарарама.

Слэтер, его партнер, входит справа с освеженной овечьей тушей в руках. Он выше Эмерсона, тоже в костюме. Они оба похихатывают, будто только что устроили какой-то удачный розыгрыш.

Слэтер. Эмерсон, отхвати себе на бифштекс! (*Смеется*.) Видал такую штуку? (*К Весли*.) Что это, ободранная коза?

Весли (*безучастно*). Овца.

Слэтер. А-а, это овца! (*Смеется*.) А мне показалось выкидыш!

Истерически хохочут.

Весли. Что это был за грохот?

Они перестают смеяться и смотрят на Весли. Заливаются смехом вновь, затем умолкают.

Эмерсон. Грохот? Какой грохот?

Весли. Тот взрыв.

Эмерсон. Ах, это! Да так, просто маленькое напоминание. Вроде команды на сеансе гипноза.

Элла. Кто эти люди, Вестон?

Эмерсон (*к Весли*). Вестон? Ты Вестон?

Весли. Мой отец.

Эмерсон (*Слэтеру*). Что-то слишком молодо выглядит, а, как думаешь?

Слэтер (*бросает тушу овцы в загончик*). Ну, если она говорит Вестон, значит, он и есть Вестон.

Элла. Что эти люди здесь делают? (*Отходит от них*).

Эмерсон (*к Весли*). Значит, ты Вестон? Мы представляли себе другой портретец. Мы воображали себе кого-то совершенно другого.

Весли. Что это там, что взорвалось? Эмерсон. Нечто, за что не уплатили. Просроченный должок.

Слэтер. Давно просроченный.

Весли. Машина. Вы взорвали машину. Эмерсон. Очко!

Они заливаются смехом. Весли идет в глубь сцены и смотрит за кулисы, как бы пытаясь разглядеть, что происходит на дворе.

Элла. Гони их отсюда, Вестон! Они в моей кухне.

Слэтер (*оглядываясь по сторонам*). Ну и свалка здесь, братцы. Заплати мне, я и то не стал бы тут жить.

Эмерсон. Вот что происходит, когда не платят по счетам. Один пропустишь, не успел оглянуться, как все покатилося-поехало. Все покатилося под гору, и тут уже оказался в полном дерьме, как здесь.

Весли (*выглядывая*). Там горит.

Слэтер. Погаснет. Это просто смесь гелигнита с взрывчаткой. Долго не горит. Оставит плешь-другую на газоне, да и та зарастет.

Весли (*безучастно*). Ничего от машины не осталось.

Слэтер. Точно. Подчистую. Ирландцы

изобрели эту штуку. Прекрасная вещь. Нипочем не узнаешь, что долбануло.

Эмерсон (к *Весли*). Ну, нам нужно смаковать, Вестон. Но ты понял, откуда ветер дует.

Уходят, вдруг Эмерсон останавливается.

Да, и если увидишь своего старика, передай ему приветик от нас. Страсть, как не любим повторяться. В первый раз — ничего, интересно, но потом здорово надоедает. **Слэтер** (*Весли*). Не забудь дать молочка овечке. Что-то она плохо выглядит.

Оба громко хохочут, затем уходят. Элла стоит и смотрит на тушу овцы в загоне. Весли стоит к Элле спиной. Он смотрит во двор. Пауза.

Элла. Я, кажется, проспала целый день. Сколько я спала?

Весли. Не так уж долго.

Элла. А Эмма ушла из дома. В самом деле уехала на лошади. Не думала, что она сделает это. Мне привиделся сон, будто она уезжает. Оттого-то я и проснулась.

Весли. Она была здесь, на кухне.

Элла. Я, должно быть, все проспала. (*Пауза, смотрит на овечью тушу*). О-о! Знаешь что, Вес!

Весли. Что?

Элла. Что-то пронзило меня, прошло насквозь. Стоило мне взглянуть на эту овцу.

Весли. Что?

Элла. Знаешь эту историю об орле, которую, бывало, рассказывал твой отец. Помнишь ее?

Весли. Да.

Элла. Помнишь ее от начала до конца?

Весли. Да.

Элла. Я не помню. Помню лишь кое-что. Но она прошла сквозь меня.

Весли. А-а.

Элла (*после паузы*). Помню, он все прилетал обратно, бросался вниз на крышу навеса и вновь улетал.

Весли. Да.

Элла. Что еще?

Весли. Не знаю.

Элла. Ты помнишь. Что было потом?

Весли. Приходит кот.

Элла. Верно. Приходит огромный кот. Прямо с поля. Прыгает на крышу и начинает обнюхивать обрезки или что там это было.

Весли (*все еще спиной к ней*). И орел бросается вниз, хватается когтями кота и уносит его, истошно вопящего, в небо.

Элла (*смотрит на овцу*). Верно. И они затевают сражение. Бьются как сумасшедшие посреди неба. Кот раздирает ему грудь, а орел пытается бросить его на землю, кот не дается, потому как знает: если упадет — больше ему не жить.

Весли. И орла рвут на части посреди неба. Он, орел, пытается освободиться от кота, а кот не пускает.

Элла. И они падают вниз на землю и разбиваются. Оба падают и разбиваются. Как одно целое.

Они продолжают стоять, причем Весли стоит спиной к Элле в глубине сцены и смотрит за кулисы, а Элла находится на авансцене и смотрит на овцу. Освещение медленно гаснет до полной темноты.

Занавес